А. С. СОНИН

«ДЕЛО» ЖЕБРАКА И ДУБИНИНА*

Кампания по борьбе с космополитизмом в науке началась двумя громкими делами — делом Клюевой и Роскина и делом Жебрака и Дубинина.

Дело Жебрака и Дубинина непосредственно связано с широко известной кампанией по борьбе с менделизмом-морганизмом в биологической науке, и поэтому для его понимания необходимо напомнить некоторые моменты самой этой кампании [1—4]. Она началась в 30-е гг. под флагом утверждения «единственно верного» мичуринского направления в биологии и генетике. Возглавляемые Т. Д. Лысенко «мичуринские» биологи отрицали основные положения дарвиновской теории эволюции, а также реальность существования генов и передачу по наследству дискретных признаков. При этом для подтверждения своих идей они не гнушались прямой фальсификацией экспериментальных результатов.

Естественно, что большинство советских биологов достаточно быстро разобралось в «научных» достижениях Лысенко и его последователей, которые в научных дискуссиях 1935—1936 гг. и 1939 г. проявили свою полную несостоятельность и научную некомпетентность. Но победа все же оказалась на их стороне.

Лысенко удалось убедить партийное руководство и лично И. В. Сталина в том, что его «открытия» позволят в кратчайший срок поднять разрушенное коллективизацией сельское хозяйство страны. Поэтому власти предприняли беспрецедентное давление на противников Лысенко — их стали увольнять с работы, обвинять во вредительстве и арестовывать. Были арестованы и погибли ведущие биологи страны: Н. И. Вавилов, Г. К. Мейстер, С. Г. Левит, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитский, И. И. Агол, В. Н. Слепков и другие.

Лысенко стал полным хозяином советской биологии и агрономии. Однако его многочисленные, часто противоречащие друг другу, рекомендации не приносили сельскому хозяйству реальной пользы. Особенно это сказалось сразу после окончания войны, когда разрушенное сельское хозяйство было потрясено чудовищным неурожаем 1946 г. В связи с этим во властных структурах стало наблюдаться охлаждение к Лысенко.

Особенно негативное отношение к нему демонстрировал Н. А. Вознесенский, молодой государственный деятель, председатель Госплана и член Политбюро ЦК ВКП(б). Ему, как никому, был известен реальный размер провалов в сельском хозяйстве, в том числе и благодаря деятельности Лысенко. Вознесенский и другие молодые партийные руководители Д. Т. Шепилов, Ю. А. Жданов, С. Г. Суворов знали и о негативном отношении общественности и ученых Запада к поддержке государством таких безграмотных людей, как Лысенко. Только благодаря такой ситуации стали возможны публикации в 1945 г. и 1947 г. статей советских ученых в популярном американском журнале «*Science*», в которых Западу было недвусмысленно продемонстрировано негативное отношение ученых к Лысенко и его соратникам.

Первую статью написал академик АН БССР А. Р. Жебрак, видный генетик, хорошо известный в США; вторую подготовил член-корреспондент АН СССР Н. П. Дубинин, также известный на Западе генетик.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 96-03-04540).

ВИЕТ. 2000. № 1. С. 34—68. © А. С. Сонин

* * *

Антон Романович Жебрак родился в 1901 г. в деревне Збляны Гродненской губернии Белоруссии [5]. Он участвовал в гражданской войне и, вступив в 1918 г. в ВКП(б), всю жизнь оставался убежденным коммунистом.

Жебрак получил отличное образование. В 1925 г. он окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию (ТСХА) и в 1929 г. Институт Красной Профессуры, готовивший партийных руководителей советской науки. В эти годы Жебрак заинтересовался молодой тогда генетикой и решил посвятить ей свою научную жизнь. Для углубленного изучения этой дисциплины он был в 1929 г. командирован в Колумбийский университет в Нью-Йорке, где работал у известного генетика Л. Денна. Потом два года Жебрак стажировался в Калифорнийском технологическом институте у основателя хромосомной теории наследственности Т. Моргана

Вернувшись на родину, Жебрак сразу выдвинулся в первые ряды советских генетиков. Он стал профессором генетики и селекции Академии социалистического земледелия в Москве, а в 1934 г. возглавил кафедру генетики Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Его успешная научная работа касалась в основном генетических исследований, имеющих целью выведение новых сортов пшеницы.

В 1940 г. Жебрак был избран членом Академии наук БССР, а в 1947 г. стал ее президентом. В 1945—1946 гг. Жебрак по совместительству работал в ЦК ВКП(б) в должности заведующего Отделом управления пропаганды и агитации [6], оставаясь заведующим кафедрой генетики растений Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

С самого начала борьбы с лысенковщиной Жебрак был одним из принципиальных противников новой «мичуринской» биологии. Его выступления в защиту генетики всегда вызывали большое раздражение приверженцев Лысенко.

Антон Романович Жебрак перед отъездом в США. Москва, 1929 г. Из семейного архива Э. А. Жебрака

Будучи хорошо знакомым с технологией управления советской наукой, Жебрак понимал, что ликвидировать засилье Лысенко и его сторонников можно, лишь убедив партийные органы в том, что борьба с генетикой наносит большой материальный ущерб стране и серьезно подрывает ее международный авторитет. По поводу развала сельского хозяйства и провала всех нововведений Лысенко в ЦК ВКП(б) пи-

сали многие крупные ученые. Жебрак же решил акцентировать внимание властей на падении международного авторитета советской науки, благо повод к этому легко нашелся.

В январском номере американского журнала «*Science*» за 1944 г. была опубликована статья председателя Американско-советского общества, учителя Жебрака профессора Колумбийского университета Л. Денна, посвященная развитию генетики в СССР [7]. Статья была написана в весьма доброжелательном духе. Но начиналась она с утверждения о единой мировой науке — утверждения, всегда раздражавшего советские власти:

> Всякая современная наука... является частью одного переплетенного целого, основывающегося на общих основных принципах, с общим прошлым и общим будущим и было бы неестественным и обманчивым стараться разбивать ее на отдельные национальные единицы... В то же время у советских биологов есть свои национальные особенности — большая жизненная активность, темперамент, юношеский задор и оригинальность.

Как образно выразился Денн,

> если западные биологи при решении научных проблем склонны входить через традиционную «дверь», наши советские коллеги по временам врываются через задний ход или даже проникают через пол [7, с. 65].

Денн высоко оценил успех советских генетиков Н. И. Вавилова, С. С. Четверикова, Н. П. Дубинина, Н. В. Тимофеева-Ресовского, но тактично указал, что дальнейшему развитию генетики мешает чрезмерный бюрократизм советской научной системы. А вывод он сделал и вовсе удивительный:

> Развитие биологических исследований в Советском Союзе научило нас одному очень ценному уроку, а именно, что контроль и организация науки всем обществом... не убивают научного духа и инициативы и не поглощают индивидуального ученого в мертвом уровне анонимности [7, с. 67].

И это написано в то время, когда Лысенко и его соратники, поддерживаемые властями, искореняли советскую генетику, а ее глава Вавилов уже умер от голода в саратовской тюрьме.

Естественно, что в среде американских ученых, хорошо осведомленных об истинном положении советской биологии, такой панегирик не остался без ответа. Вскоре в апрельском номере того же журнала «*Science*» появилась небольшая статья профессора Гарвардского университета К. Сакса под тем же названием «Советская биология», в которой он осветил истинное положение дел в нашей генетике [8].

Причину появления своей статьи Сакс видел в том, что Денн «не коснулся наиболее важной особенности биологических исследований в СССР, состоящей в прислуживании науки перед социальной и политической философией» [8, с. 298]. Это влияние «советской политической философии» начало сказываться на биологической науке десять лет назад и достигло наивысшей точки во время дискуссии о роли влияния окружающей среды на наследственность, прошедшей в 1939 г.

> В этой дискуссии, — пишет далее Сакс, — оппонентом Вавилова выступал Лысенко, рассуждения которого, даже если бы они были написаны в 1800 г. не являлись бы ни оригинальными, ни еретическими, а просто архаическими [8, с. 298].

Его прием «яровизации», которым он так гордился, был применен в США еще до гражданской войны и вскоре был оставлен по причине неэффективности.

> Лысенко и его коллеги, — пишет далее Сакс, — по-видимому, убедили политические власти, что только влияние окружающей среды имеет значение для улучшения растений. С 1939 г. советские селекционные журналы заполнены статьями учеников Лысенко, но мы ничего не слышим о Вавилове, Карпеченко, Навашине и многих других [8, с. 298].

Сакс видит, по крайней мере, несколько причин подавления генетики в СССР. Первая — генетика «иностранная наука», т. е. не социалистическая, а буржуазная, и поэтому чуждая советскому обществу. Вторая — искажение принципов генетики фашистами, использование ее выводов для утверждения расового превосходства немецкой нации. И, наконец, третья причина политическое давление. О ней Сакс пишет:

> Особенно замечательно то, что Митин, директор института философии Академии наук, говоря о дискуссии Лысенко — Вавилов, сказал, что Лысенко более, нежели другие комментаторы, выразил точку зрения советского правительства [8, с. 299].

Заканчивая свою статью, Сакс пишет:

> Наши восхищения русским народом и военной мощью Советской республики не должны нам закрывать глаза на то обстоятельство, что наука не свободна в тоталитарных странах, где должна приспосабливаться к политической философии [8, с. 299].

* * *

Статьи Денна и Сакса, по мнению Жебрака, явились хорошим предлогом еще раз обратить внимание советского руководства на ненормальное положение в советской биологической науке. В конце 1944 г. или в самом начале 1945 г. он направляет секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову обширное письмо*, где излагает содержание статей Денна и Сакса. (Сами статьи и их переводы приложены к письму.) [9]. Жебрак обращает внимание Маленкова на то, что борьба Лысенко против генетики хорошо известна в Америке и Англии и создает неблагоприятное впечатление о нашей стране. В то же время Жебрак категорически не согласен с утверждением Сакса о том, что генетика находится под политическим давлением.

> Что касается борьбы против генетики, то она ведется в СССР только академиком Лысенко, — пишет Жебрак. — Эта борьба имела известные результаты. Приходится признать, что деятельность ак. Лысенко в области генетики, «философские» высказывания его многолетнего соратника т. Презента, утверждавшего, что генетику надо отвергнуть, так как она якобы противоречит принципам марксизма, и выступление т. Митина, определившего современную генетику как реакционное консервативное движение в науке, привело к падению уровня генетической науки в СССР [9, л. 9].

В конце письма Жебрак высказал ряд предложений, способствующих, по его мнению, развитию советской генетики. В частности, он предлагает снять Лысенко с поста директора Института генетики АН СССР, обеспечить публикацию генетических работ, командировать в Америку и Англию советских генетиков для обмена опытом.

* Письмо без даты.

Это письмо осталось без ответа. В начале февраля 1945 г. Жебрак снова пишет Маленкову:

Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

Несколько недель тому назад я послал Вам две статьи американских профессоров Денна и Сакса, напечатанных в журнале «Наука». Так как в статье Сакса содержится ряд неверных общеполитических выводов, то, по-видимому, на них нужно ответить в том же самом журнале. Я составил начальный проект ответа Саксу, который посылаю Вам на рассмотрение. Возможно, что и другие наши биологи напишут возражения. Если будет признано необходимым такой ответ послать за границу, то я могу взять на себя обязанность перевести окончательный ответ на английский язык и собрать подписи. Мне кажется, что такой ответ должен быть подписан несколькими лицами из тех, которые упоминаются в статьях Денна и Сакса [9, л. 5].

В письме также содержится просьба принять Жебрака для сообщения информации о деятельности Лысенко и его последователей.

На этом письме имеется резолюция Маленкова, адресованная Г. Ф. Александрову — начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК: «Прошу ознакомиться с этими записками и переговорить со мной» [9, л. 5].

К письму приложен первоначальный вариант статьи Жебрака [10]. Он весьма интересен своим тактическим построением. В нем, высказав свое отношение к идеям Лысенко, Жебрак, как убежденный коммунист, отвергает влияние идеологии на советскую науку.

В начале статьи он говорит о роли Ленина и советского правительства в подъеме советской науки и, в частности биологии. Жебрак подчеркивает, что и сегодня советская биология развивается весьма многообразно и Сакс не вправе сводить всю советскую биологию «к личности акад. Лысенко и больше того... отождествлять личность акад. Лысенко с советским государством» [10, л. 83].

Сакс утверждает, — пишет далее Жебрак, что акад. Лысенко якобы убедил политическое руководство России в правильности его взглядов, что и является причиной якобы имеющего место политического давления на генетическую науку в нашей стране. Это утверждение Сакса является заблуждением [10, л. 84].

Однако вопреки фактам Жебрак говорит, что советское правительство остается в стороне от спорных вопросов биологии, награждая как сторонников Лысенко, так и его противников.

Не понимая сущности советской системы и методов развития науки в нашей стране, — пишет далее Жебрак, — Сакс заявил, что в СССР это влияние осуществлялось не в условиях свободной борьбы мнений и научных принципов, а так, как то изобразил проф. Сакс.

Не понимая сущности советской системы и методов развития науки в нашей стране, Сакс заявил, что в условиях централизованного социалистического государства, которое он неправильно называет тоталитарным, наука якобы не может быть свободной. Как показано выше, это неверно.

Не понимая сущности советской концепции о связи науки, практики и философии, по которой общая материалистическая философия природы может развиваться только на основе развития отдельных наук, Сакс ошибочно заявляет, что будто в нашей стране наука прислуживает перед политической философией [10, л. 86].

Окончательный вариант статьи, который был опубликован в «*Science*», немногим отличается от первоначального [11].

Академик Лысенко, — пишет Жебрак, — будучи ученым агрономом, сделал ряд практических предложений, которые были оценены советским правительством. Кроме того, акад. Лысенко сделал попытку пересмотреть ряд основных положений современной генетической науки. Его взгляды многими советскими генетиками не только не были поддержаны, но, напротив, подвергнуты были резкой критике... Критика генетики академиком Лысенко, основанная на чисто умозрительных и наивных заключениях, при всей энергичности натиска, не может нарушить успешного развития генетики в СССР [11, с. 357].

И опять о связи идеологии и науки:

Из сказанного можно сделать вывод, что наука может быть свободной в социалистическом государстве, которое д-р Сакс направленно называет тоталитарным. Проф. Сакс не понимает сущности советской концепции о связи науки, практики и философии, по которой общая материалистическая философия природы может развиваться только на основе развития отдельных наук, он направленно заявляет, что будто бы в нашей стране «наука прислуживает перед политической философией». Вследствие этого непонимания проф. Сакс не осознал, что заявление акад. Лысенко относительно отрицания им менделевского расщепления, базируясь якобы на принципах философии диалектического материализма, имеет мало общего с серьезным развитием философии в Советском Союзе. Диалектический материализм базируется на реальных фактах и никогда их не отрицает. Поэтому философия диалектического материализма, при правильном ее понимании, не может препятствовать развитию генетики [11, с. 357].

И в заключение:

Работая в области биологической науки, мы вместе с американскими учеными строим общую мировую биологическую науку. Мы надеемся, что это досадное непонимание основных идей нашей страны и путей развития нашей науки будет скоро рассеяно и что в будущем ученые обеих стран будут совместно двигаться вперед в атмосфере взаимного понимания и товарищества [11, с. 357].

Статья Жебрака вызвала резкую ответную реакцию Сакса. В своей статье в том же журнале «*Science*» [12] он ясно высказался, что не верит утверждениям Жебрака о невмешательстве государства в дела советской биологической науки, что генетики «не подвержены влиянию» властей.

Что случилось с Карпеченко, — спрашивает Сакс, — где Вавилов, один из выдающихся ученых и великих мировых генетиков. Нам сообщили, что Вавилов умер. Как он умер и почему? [12, с. 649].

Вряд ли Жебрак решился бы ответить на эти вопросы. Итак, последнее слово осталось за Саксом.

Поместить любую статью в американском журнале в 1945 г. без согласия властей, естественно, было невозможно. Статья Жебрака, конечно, не была исключением. Она родилась в недрах Антифашистского комитета ученых при Совинформбюро, членом которого состоял Жебрак. Ее редактировал член этого комитета Пилипчук, а одобрил член Совинформбюро Кружков [10, л. 39, 103].

Несколько позже в «*Science*» была опубликована статья Н. П. Дубинина «Работы советских биологов: теоретическая генетика» [13]. Она прошла такое же согласование с Совинформбюро (Осьмин) и такую же редактуру (Сендик). Статья была направлена секретарем Антифашистского комитета ученых Тер-Арутюнянцем

[10, л. 39, 103]. Таким образом, все формальности были тщательно соблюдены, а иначе и быть не могло.

Статья Дубинина была посвящена развитию теории советской генетики. Ее начало положили работы С. С. Четверикова и Д. Д. Ромашева. Они заложили основы советской школы эволюционной генетики. Подробно Дубинин говорил о практических достижениях советских генетиков, не исключая и Вавилова. Особенно большое внимание он уделял последним предвоенным и послевоенным работам Жебрака, Белозерского, Рапопорта, Астаурова и других. Однако в статье нет фамилии Лысенко и его единомышленников и ни слова об их работах.

* * *

Статьи Жебрака и Дубинина не вызвали никакой реакции в Советском Союзе, да их, по-видимому, у нас никто и не читал, кроме, разумеется, соратников Лысенко. Но наступил 1947 г., и ситуация серьезно изменилась — началась кампания по борьбе за идейность в искусстве и против преклонения перед заграницей, инициированная известными идеологическими постановлениями ЦК ВКП(б). Этим решили воспользоваться сторонники Лысенко и нанести удар по генетикам.

6 марта 1947 г. в газете «Ленинградская правда» появилась статья ближайшего сподвижника Лысенко И. Презента «Борьба идеологий в биологической науке». Статья начиналась весьма определенно:

> Последние решения Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам ко многому обязывают партийный актив и советскую интеллигенцию. Они обязывают вытравить какие бы то ни было остатки низкопоклоннического отношения к зарубежным идейным влияниям, смело разоблачать буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления [14].

Руководствуясь этими решениями, Презент решил «вытравить» Жебрака. Он сообщил, что «фашистский журнал "Наука"» в Америке опубликовал статью «профашистского мракобеса» Сакса о положении советской генетики, в которой тот «злопыхает против марксизма».

> Карл Сакс не заслуживал бы какого бы то ни было внимания, — писал Презент. — Однако, пожалуй, более интересно, до каких пределов низкопоклоннического пресмыкательства перед заграницей может дойти профессор, живущий в советской стране и в то же время тянущий одну и ту же ноту с г-ном Саксом. А ведь именно так поступил профессор Тимирязевской академии А. Р. Жебрак, который в статье, опубликованной им за границей по поводу выступления Сакса, по существу солидаризуется с профессором Саксом в оценке теоретических достижений нашей советской передовой школы биологов, мичуринской школы, возглавляемой академиком Лысенко [14].

Итак, обвинение было предъявлено, но не в том, что Жебрак не защищал «мичуринскую генетику», — это ушло на второй план, а в соответствии с духом времени — в «низкопоклонническом пресмыкательстве».

Эти же обвинения Презента прозвучали и в большой статье в журнале «Агробиология» [15]. Однако они не вызвали общественного резонанса, возможно, потому, что эти статьи были опубликованы не в центральной печати, а в областной газете и специальном журнале. По-видимому, Лысенко и его сторонники провели определенную работу и почти одновременно в «Литературной газете» (30 августа) и «Правде» (2 сентября) появились статьи, обвиняющие Жебрака и Дубинина в антипатриотизме и предательстве «интересов Родины».

Хотя эти статьи были напечатаны всего через полгода после первых обвинений Презента, они появились уже совсем в другой политической обстановке. 14 мая 1947 г. И. В. Сталин в беседе с А. А. Фадеевым, Б. Л. Горбатовым и К. М. Симоновым дал указание развернуть борьбу с преклонением перед иностранщиной. Симонов буквально записал слова вождя:

> А вот есть такая тема, которая очень важна, которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая, она идет еще от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре полезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно дышать, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами-засранцами.
>
> Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь и они хвосты задрали.
>
> Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдалбливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает. Вот взять такого человека, не последний человек, а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов [16, с. 111 — 112].

Эти сентенции Сталина не были экспромтом. Это было указание о начале тщательно разработанной кампании по борьбе с преклонением перед иностранцами в науке, толчком к которой, несомненно, послужило «дело» Клюевой и Роскина. На это указывает тот факт, что сразу после приведенной выше тирады Сталин показал писателям документы об этом деле, предложив им написать о нем.

О серьезности задуманной кампании говорит и то, что еще 28 марта 1947 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление об организации судов чести для рассмотрения «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий» [17; 18]. И уже 5 — 7 июня 1947 г. состоялся показательный Суд чести Министерства здравоохранения СССР над профессорами Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскиным, обвиняемых в антипатриотическом поступке — передаче американским ученым сведений о новом противораковом препарате [19].

В такой обстановке обвинения Жебрака и Дубинина в антипатриотизме приобрели совершенно другое политическое звучание.

Статья в «Литературной газете» [20] была подписана известными поэтами А. Сурковым, А. Твардовским и драматургом Г. Фишем, известным поклонником Лысенко. Она имела хлесткое название «На суд общественности». И написана была тоже хлестко.

> В американском журнале «*Science*» появилась статья советского ученого, президента Академии наук Белорусской ССР, проф. А. Жебрака, — пишут авторы статьи. — Можно было думать, что советский ученый использует свое выступление в иностранном журнале для популяризации достижений передовой советской нау-

ки, для борьбы с враждебными, лженаучными, буржуазными теориями или хотя бы для деловой информации.

Нет! Проф. А. Жебрак решил посвятить свою статью унижению и охаиванию передового советского ученого, известного всему культурному человечеству своими трудами в области физиологии растений и генетики, академика Т. Д. Лысенко. Под видом объективного изложения состояния генетики в СССР А. Жебрак целиком солидаризируется с наиболее реакционными американскими профессорами в оценке теоретических достижений советской мичуринской школы, возглавляемой Т. Д. Лысенко.

В своем низкопоклонстве перед зарубежной наукой проф. Жебрак доходит до того, что фактически предлагает американским ученым нечто вроде единого союза для борьбы против советского ученого Т. Лысенко [20].

Вспомнили писатели и о том, что Жебрак назвал Лысенко агрономом, что его теоретические взгляды основаны на наивных и чисто умозрительных заключениях и что Жебрак собирается строить общую биологию мирового масштаба с американскими профессорами.

Мы уверены, — заключают авторы статьи, — что среди советских ученых факты такого рода не могут быть терпимы и найдут ясную и недвусмысленную оценку [20].

Статья в «Правде» [21] была написана никому не известным кандидатом экономических наук И. Д. Лаптевым, который в газете фигурировал как профессор. Как утверждает Сойфер, статья Лаптева была написана по прямому указанию секретаря ЦК ВКП(б) М. А. Суслова [1]. Она мало чем отличалась от статьи писателей, только лишь более разухабистым стилем и большим количеством ругательных эпитетов. Говоря о статье Жебрака, Лаптев писал:

Надо потерять чувство патриотизма и научной чести, чтобы заявить, что известный всему миру ученый — новатор в области генетики академик Лысенко не имеет отношения к советской биологии... Выходит, по утверждению Жебрака, что Лысенко тормозит прогрессивное развитие генетики?! Далеко зашел Жебрак... Только человек, потерявший всякое чувство гражданского долга, мог пойти на такой шаг [21].

Не оставил без внимания Лаптев и статью Дубинина в журнале «*Science*». И хотя в этой статье зацепиться было вроде бы не за что, антипатриотизм Лаптев нашел и здесь:

Прежде всего вызывает настороженность: почему этот журнал, враждебно настроенный к советским биологам, помещает статью Дубинина на первое место. Ответ приходит сам собой. В статье обойдены все основоположники советской биологии. Кого же считает Дубинин советскими биологами. Оказывается, здесь превозносятся такие «советские биологи», как Добжанский, Тимофеев-Ресовский — открытые враги советского народа [21].

А в заключение фраза, напоминающая риторику 1937 года:

К суду общественности тех, кто тормозит решение этой задачи (в кратчайший срок превзойти достижения науки в зарубежных странах), кто своими антипатриотическими поступками порочит нашу передовую советскую науку [21].

В 1937 г. слова о суде общественности воспринимались иносказательно, суд общественности легко заменялся Особым совещанием. В 1947 г. суды общественности (суды чести) уже реально существовали и статью в «Правде» с таким призывом следовало воспринимать со всей серьезностью.

* * *

А. Р. Жебраку и Н. П. Дубинину были предъявлены нелепые обвинения, основанные на передергивании их утверждений. Действительно, чем как не нелепостью можно назвать обвинение в антипатриотизме авторов статей, написанных по сути в защиту советской науки. Более того, в своей статье Жебрак с пафосом отрицал очевидный для западных (да и для многих советских) ученых факт политического диктата в советской науке. Было совершенно ясно, что причиной обвинения является оценка роли Лысенко в советской биологии.

Все это было настолько очевидно, что, по-видимому, ни Жебрак, ни Дубинин не сомневались, что в ЦК ВКП(б) объективно разберутся в этом простом инциденте. Тем паче, что им было известно о пошатнувшихся позициях Лысенко. Поэтому они обратились в ЦК за поддержкой.

Уже 5 сентября 1947 г. Жебрак пишет большое письмо на имя секретаря ЦК А. А. Жданова. Весь тон письма — полупризнание своих ошибок.

> Я преследовал задачу дать отповедь политическим инсинуациям Сакса и показать значение диалектического материализма в разработке биологической науки. Эта задача мною была выполнена. Я руководствовался исключительно патриотическими стремлениями и стремился поднять престиж нашей страны [10, л. 2—3].

Но в то же время он признает, что сейчас, в свете идеологических постановлений ЦК, ему «особенно стала ясна философская сторона вопроса нашей политики в науке» [10, л. 3]. Что это за «философская сторона», Жебрак поясняет ниже:

> Я считаю, что редакция «Правды» правильно ставит вопрос о воспитании советских людей при помощи смелой критики. Особенно вредным для ученого является преклонение перед иностранщиной [10, л. 4].

Не соглашаясь в целом с критикой Лаптева, Жебрак тем не менее заканчивает письмо покаянной фразой:

> Если я допустил ошибки, то я надеюсь, что мне помогут их исправить и дадут возможность и впредь честно трудиться на пользу своей Родины [10, л. 4].

К этому письму Жебрак приложил «объяснение» [10, л. 16—19], содействовать опубликованию которого в «Правде» он просил Жданова. В этом «объяснении» он писал, что авторы обеих статей тенденциозно, а главное, неверно излагают суть дела. Жебрак подробно излагает содержание своей статьи, где, как он выразился, «дает отповедь» клевете Сакса на советскую науку.

> В то же время, — пишет он дальше, — я вынужден был коснуться своей оценки генетических взглядов акад. Лысенко, как я их оцениваю в нашей печати [10, л. 17].
>
> Из моей статьи, — заключает Жебрак, — нельзя сделать никакого вывода о каком-либо низкопоклонстве перед иностранной наукой, т. к. я в первую очередь освещаю вклад наших советских генетиков, живущих и работающих теперь [10, л. 19].

Ответа на свое письмо Жебрак не получил и в «Правде» его объяснение опубликовано не было. Зато в его поддержку, в период с 4 по 10 сентября, Жданов получил письма от кандидата сельскохозяйственных наук Е. Радаевой, директора Института биологии АН БССР проф. В. Железнова, проф. Д. Сабинина, проф. П. Лисицына и доктора биологических наук И. Рапопорта [10, л. 22—37].

Написал Жданову и Дубинин. Его письмо начинается как бы с оправдания, что статья написана по заданию Антифашистского комитета ученых, который долго

держал ее на пересмотре, сам выбрал журнал и без уведомления автора послал ее за границу. Далее он опровергал два обвинения Лаптева: «не осветил» советскую биологию и «замалчивал» мичуринское направление, а также причислил к советским биологам Добжанского и Тимофеева-Ресовского [10, л. 40—53].

По поводу первого обвинения Дубинин напоминает, что в своей статье он назвал всех старых русских генетиков и 61 — советских. Лысенко же не упомянул потому, что тот бесплоден. Что касается второго обвинения, то американский генетик русского происхождения Добжанский, живущий в США, и Тимофеев-Ресовский, живущий в Германии, в статье упомянуты как иностранные ученые, развивающие идеи советских генетиков,

В письме Дубинин защищает Жебрака и резко критикует Лысенко и его сподвижников.

> Во главе клеветнической работы стоит беспринципный псевдофилософ — Презент Исай Израилевич, который, не стесняясь в средствах, давно ведет линию на ликвидацию советской генетики [10, л. 44].

В этой фразе стоит обратить внимание на один нюанс — зная, что в стране разворачивается кампания государственного антисемитизма, Дубинин, приводя полностью имя и отчество Презента и подчеркивая, что тот еврей, явно надеялся усилить его негативный имидж.

А. Р. Жебрак. 1944 г.
Фото из семейного архива

Говоря далее о статье Лаптева, Дубинин приводит характерный пример, что в Воронежском университете статью Лаптева в «Правде» считают директивным материалом и рассматривают как указание на прекращение преподавания генетики.

Однако большая часть письма Дубинина посвящена разоблачению антинаучных концепций Лысенко и его методов «руководства» советской биологией.

Письмо Дубинина тоже осталось без ответа. Но реакция партийных властей последовала незамедлительно.

Здесь необходимо небольшое разъяснение. Как мы говорили вначале, в эти годы позиции Лысенко и его последователей серьезно ослабли и генетики надеялись на свою победу. На этом фоне последовавшие суровые санкции власти,

направленные против Жебрака и Дубинина, кажутся нелогичными. Но это только на первый взгляд. В действительности дело Жебрака и Дубинина — это частный успех сторонников Лысенко, сумевших перевести свою борьбу с генетики в другую плоскость — в плоскость модной в те годы кампании по борьбе с космополитизмом. Не будь этой кампании — статьи Жебрака и Дубинина прошли бы незамеченными партийными и советскими властями, не говоря уже о широкой общественности. Этот тонкий ход весьма удался Лысенко и серьезно ослабил позиции генетиков.

* * *

Статья Жебрака и статьи в «Правде» и «Литературной газете» стали предметом обсуждения на партийном комитете Министерства высшего образования СССР [10, л. 55—62]. В принятом им постановлении Жебраку инкриминировалось следующее:

1. Раболепствуя и пресмыкаясь перед буржуазной наукой, проф. А. Жебрак не разоблачил клеветы буржуазных реакционеров на передовую советскую науку, на наш народ, на наш общественный и государственный строй.

Не разоблачил злостной клеветы махрового реакционера Сакса о том, что в советском государстве наука подавлена господствующей политической философией и не имеет условий для своего развития.

Не показал, что только в условиях социалистического государства всякая наука, в том числе и биологическая наука, окружена заботой и вниманием советского правительства, большевистской партии и всего народа, — получает неограниченные возможности для своего развития и процветания.

2. Профессор Жебрак в своей статье принизил всемирно известные достижения советской биологической науки, сознательно умолчав о корифеях этой науки Тимирязеве, Мичурине, Вильямсе, учение которых положено в основу работы современных советских исследователей в этой области.

3. Профессор А. Жебрак, опорочивая и принижая роль представителей советской биологической науки, вместе с тем призвал к созданию совместно с американскими реакционными учеными «биологии мирового масштаба», чем исказил принципиальную позицию советской науки, не допускающей сотрудничества с реакционерами типа Сакса и ему подобными.

4. Проф. А. Жебрак оклеветал выдающегося советского ученого и новатора академика Лысенко, представив его перед всем миром как человека, научные взгляды которого в области генетики основаны на чисто умозрительных и наивных заключениях и что «при всей своей агрессивности Лысенко не может нарушить успешного развития генетики в СССР».

5. Профессор А. Жебрак перенес теоретическую дискуссию советских ученых по важнейшим вопросам развития советской генетики на страницы зарубежной печати.

Статья профессора Жебрака «Советская биология», помещенная в американском журнале «Наука», порочит честь и достоинство советского ученого.

Исходя из вышеизложенного партийный комитет считает, что поступок проф. Жебрака попадает под действие Суда чести и просит привлечь проф. А. Р. Жебрака к Суду чести Министерства высшего образования СССР [10, л. 61—62].

Это постановление подписали секретарь парткома Д. А. Лысенко и члены парткома Н. С. Шевцов, Г. К. Служнев, М. В. Михайлов, К. Ф. Жигач, С. К. Колчев,

Д. Я. Токовищев и А. Я. Шпилева. Отсутствует подпись члена парткома заместителя министра А. М. Самарина, по-видимому, по уважительным причинам, поскольку в дальнейшем он сыграл свою немаловажную роль на этом Суде чести. Это постановление было адресовано министру высшего образования СССР Кафтанову, который и дал ему ход — направил в Суд чести министерства [22, л. 145].

Суд чести Министерства высшего образования был учрежден в следующем составе: председатель — член коллегии МВО проф. И. Г. Кочергин, члены суда — замминистра, член-корреспондент АН СССР проф. А. М. Самарин, член коллегии МВО проф. А. С. Бутягин, замсекретаря парткома доц. Н. С. Шевцов, член парткома доц. Г. К. Служнев, А. А. Нестерова, член президиума ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений О. П. Малинина [22, л. 173].

3 октября 1947 г. Кафтанов пишет Жданову:

> Я согласен с предложением партийного комитета и со своей стороны считаю необходимым провести Суд чести над Жебраком 20—21 октября 1947 г. в аудитории Политехнического музея. В качестве общественного обвинителя намечается проф. С. А. Новиков (биолог) и, кроме того, предполагается привлечь для выступления на Суде чести профессоров Опарина А. И. и Юдинцева С. Д. Проф. Жебрак А. Р. находится в настоящее время в санатории г. Сочи. Для проведения Суда чести в октябре месяце, считаю необходимым проф. Жебрака из отпуска вызвать.
>
> Прошу Вашего согласия на проведение указанных мероприятий [10, л. 54].

Согласие было получено, и 13 октября 1947 г. началось предварительное следствие [22, л. 58—139]. Фактически это было заседание Суда чести с участием приглашенных свидетелей.

Из стенограммы предварительного следствия видно, что Жебрак выбрал следующую тактику защиты: он не согласился с тем, что его статья антипатриотична по своему содержанию, однако признал в ней ряд политических ошибок. По мнению Жебрака,

> антипатриотический поступок это более... чем отдельные политические ошибки. Антипатриотический поступок это чрезвычайно серьезно, поэтому мне кажется, что эта квалификация моего поступка, в котором я себя признаю виновным, не совсем подходит [22, л. 77].

Такой политической ошибкой Жебрак считал свои высказывания о Лысенко. На вопрос члена суда Бутягина о том, была ли необходимость говорить в статье о Лысенко, Жебрак ответил:

> О моих с ним разногласиях известно за границей, и если бы я о нем не написал, могло показаться отсутствие свободы критики [22, л. 64].

В этой фразе тоже тактика защиты — он вынужден был дать нелестную характеристику Лысенко в силу политической необходимости. Однако Бутягин парировал этот прием, сказав, что можно было просто упомянуть о своих расхождениях, не углубляясь в детали. И Жебрак был вынужден отступить:

> Вы правы, сказал он, все эти места своей статьи я совершенно сознательно продумал, я сознаю, что здесь допустил грубую политическую ошибку [22, л. 64].

Создается впечатление, что Жебрак уже сдался, поняв всю серьезность предъявленных ему политических обвинений и предчувствуя всю тяжесть последствий. Иначе, как объяснить, что на вопрос Самарина, почему он не осудил в своей статье

Добжанского и Тимофеева-Ресовского, о которых упоминалось в статье Денна, Жебрак ответил:

> Я согласен, что следовало бы в отношении Тимофеева-Ресовского и Добжанского специально оговорить, что нельзя давать оценку советской биологии, включать имена изменников нашей Родины и белогвардейцев, нельзя эти белогвардейские имена включать в нашу науку [22, л. 69].

Далее на следствии развернулась дискуссия по поводу яровизации и ее оценки в статье Сакса. В своей статье Жебрак этого вопроса не касался, что было признано тоже антипатриотичным. В своем ответе Жебрак вначале пытался обойти этот вопрос, сославшись на свою некомпетентность, но проговорился, что по этому поводу есть большая статья Васильева. Этим воспользовался Самарин.

> Профессор Жебрак, — сказал он, — Вы были за границей, Вы знаете, что нам, советским людям, находящимся за границей, иногда приходится пускаться в рассуждения по проблемам, которые очень далеки от нашей специализации. И это делается в интересах нашей Родины. Почему Вы не сочли себя обязанным на страницах печати коснуться вопроса яровизации? Тем более, что с литературой по этому вопросу Вы могли бы легко познакомиться? [22, л.75].

И Жебрак был вынужден признать, что Сакс оклеветал Лысенко, а «приоритет советских ученых в этом вопросе основан на бесспорных фактах»[22, л. 75].

> Надо было решительным образом выступить и привести соответствующий материал, — признал Жебрак. — Поскольку я не выступил, я совершил политическую ошибку [22, л. 77].

После этого, естественно, допрос свелся к выяснению отношения Жебрака к личности Лысенко. Вспомнили и «ученого агронома», на что Жебрак ответил: «Это не низкое понятие. Все мы ученые агрономы» [22, л. 82]. Он вынужден был признать, что хотя Лысенко имеет неправильные взгляды в области генетики, «он является прекрасным ученым, развивающим какую-то область знания» [22, л. 82]. Более того, Жебрак признал, что Лысенко занял пост президента Сельскохозяйственной академии (СХА) «по научным заслугам, но ряд его личных качеств привел к тому, что СХА мало сделала» [22, л. 84].

И в конце допроса на вопрос Самарина, признает ли Жебрак свою вину в том, что использовал страницы буржуазного журнала, чтобы выступить против Лысенко и возглавляемого им направления, он ответил:

> На это я должен дать положительный ответ, в том смысле, что я действительно отнесся субъективно, так получилось, и вынес на суд мирового общественного мнения те научные разногласия, которые у меня были с академиком Лысенко [22, л. 85].

Суд добился своего. И хотя Жебрак не признал антипатриотичности своей статьи и не признал научными взгляды Лысенко в области генетики, он согласился с членами суда, что совершил ряд политических ошибок, публикуя свое мнение в буржуазном журнале. Свое мнение следовало излагать в советском журнале, а не давать повод буржуазным ученым издеваться над назначенным правительством руководителем советской биологии.

15 и 16 октября 1947 г. состоялся допрос свидетелей. Первым выступал Дубинин [22, л. 85—89]. Он сразу же заявил, что не находит в статье Жебрака «антипатриотических мотивов». Что же касается оценки Лысенко, то тут Дубинин проявил завид-

ную гибкость. Он согласился с мнением Самарина, что Лысенко, конечно, ученый и награжден орденом не как агроном, а за «успехи в развитии сельскохозяйственных наук». «Даже, — добавил он, — надо было: биологических наук» [22, л. 87].

Относительно статьи Жебрака, к политической оценке которой подталкивали Дубинина члены суда, он признал, что «в этом смысле статья недодумана, она поставлена в академическом плане» [22, л.88].

Свидетель Варунтян квалифицировал статью Жебрака как «антипатриотическую без сомнения». При этом, по его мнению, Жебрак «сознательно принизил роль» Мичурина и Лысенко, представив их как простых садовода и агронома [22, л. 89].

Следующий свидетель, Глущенко И. Е., — ближайший соратник Лысенко. Он сделал следующее характерное заявление:

> К характеристике профессора Жебрака можно добавить следующий факт: одна аспирантка из Югославии с возмущением рассказывала, как ей работник института говорил о том, что когда один из прикрепленных к Жебраку аспирантов сообщил ему с радостью, что он нашел книгу Лысенко, Жебрак заявил, что «эту дрянь я бы никогда в руки не брал» [22, л .93].

Свидетель профессор Борисенко (тоже последователь Лысенко) на вопросы членов суда ответил, что, по его мнению, Жебрак в своей статье солидаризуется с Саксом в оценке роли Лысенко в советской биологии. То же самое утверждал и свидетель доцент ВАСХНИЛ Лоза. А на вопрос члена суда Бутягина, были ли у Жебрака «элементы преклонения перед иностранной наукой», Лоза ответил, что два года пребывания Жебрака за границей повлияли на его взгляды больше, чем десятилетнее пребывание на Родине.

> Его преклонение перед буржуазной наукой, сказал Лоза, дошло до того, что он на двери своей квартиры повесил вывеску, составленную из заглавных букв, вырезанных из иностранного журнала [22, л. 104].

Академик ВАСХНИЛ П. И. Лисицын определил свое отношение к делу Жебрака так:

> Я считаю все это одной бузой. Ошибок у проф. Жебрака много — не дописал, не досказал, сказал неясно, но со всяким смертным могут быть ошибки, но все же в основном я здесь ничего преступного не нахожу [22, л. 124].

Вместе с тем в результате массированного давления членов Суда чести он вынужден был признать, что Жебрак зря апеллировал к буржуазным ученым по поводу своих разногласий с Лысенко.

Профессор ЛГУ Н. В. Турбин в начале допроса зачитал свое пространное заявление, в котором обрушил на Жебрака все мыслимые и немыслимые обвинения: присоединился к Саксу в охаивании советской науки, потерял приоритет в вопросе о яровизации, умолчал о заслугах Лысенко и т. д. Турбин закончил свое выступление так:

> Таким образом, объективно в этой статье Жебрак совершил антипатриотический поступок, не помог пропаганде достижений советской науки за границей, а наоборот, по существу, обезоружил себя перед лицом реакционного, идеалистического, враждебного деятеля, каким является Сакс [22, л. 128].

Суд чести допрашивал и других свидетелей профессоров Сабинина, Презента, Васильева, Константинова, доцента Воробьева, старшего научного сотрудника

Радаеву и Никитина. Однако в краткой стенограмме, отправленной в ЦК ВКП(б) [22], их показания отсутствуют. Но и из доступной части стенограммы ясно видна предвзятость и тенденциозность суда. Весь допрос шел в обвинительном ключе, из свидетелей просто выжимались признания виновности Жебрака в антипатриотическом поступке. Но иначе и быть не могло, ибо весь этот театр был задуман в показательных целях.

* * *

Еще шло предварительное следствие, а 17 октября 1947 г. уже состоялось закрытое заседание Президиума АН БССР, на котором рассматривался антипатриотический поступок Жебрака. О том, что происходило на этом заседании, дает представление выдержка из доклада нового президента АН БССР Н. И. Гращенкова на расширенном заседании Президиума АН БССР, посвященном положению и задачам биологической науки в БССР, проходившем 3—4 сентября 1948 г. Гращенков сказал:

> Особенно яркую защиту буржуазно-реакционной идеологической, вейсманистско-моргановской концепции Жебрак осуществил на закрытом заседании Президиума АН БССР 17 октября 1947 г. при рассмотрении его антипатриотических поступков раболепия и низкопоклонства перед буржуазной наукой, которые Жебрак проявил в своей статье, напечатанной в американском журнале. В этой статье, как известно, содержались клеветнические утверждения в отношении передового, прогрессивного, мичуринского направления и его продолжателя академика Т. Д. Лысенко. На этом заседании все руководящие работники АН БССР подвергли жесткой критике эти поступки и резко осудили их. В ответ на это, в свое оправдание Жебрак приводил такие аргументы (цитирую по протокольной записи): «Жебрак указывает на свою приверженность к теории противоположной Лысенко. Жебрак и теперь не признает в отношении Лысенко допущенной им ошибки, он говорит, что учение Лысенко неправильное и что Лысенко через несколько лет будет пустым местом в науке, а что будет развиваться то учение, которому он, Жебрак, служит. Теория его, Жебрака, и Лысенко всегда останутся на разных полюсах». На прямой вопрос, уточняющий его отношение к мичуринскому учению, Жебрак отвечает: «Относительно школы Лысенко я дал правильную оценку в печати, эту школу я оцениваю, что она ничего положительного не вносит в нашу науку, и я считаю ее теорию абсолютно ошибочной». На уточнение вопроса в этой связи Жебрак отвечает: «Я в корне не согласен с Лысенко, хотя он и наносил удары по той области, в которой я работаю. Что они (т. е. взгляды Т. Д. Лысенко) прямо противоположны моим убеждениям. Моя школа совсем другая, противоположная Мичурину и Лысенко». И далее Жебрак утверждает: «В Америке сейчас вынесен спор в отношении биологии на международную арену, и для меня как для ученого, я считаю недопустимым проявлять двурушничество; всякий серьезный ученый не может иметь два мнения: одно — для себя, другое — для заграницы. Мое убеждение одно, и оно правильное. Я работал у проф. Денна и у проф. Моргана, я выполнял у них работу и защищал докторскую диссертацию» [23, л. 29—30].

Из этого текста видно, что Жебрак более резко и откровенно отзывается о Лысенко, чем это он сделал на предварительном следствии. По-видимому, он рассчитывал, что его, как президента АН БССР, поддержат члены Президиума. Однако этого не случилось. Поддержки он не получил и был снят с поста президента.

Об обстановке на этом заседании свидетельствует письмо члена-корреспондента АН БССР директора Института клинической медицины проф. С. Г. Мелких заместителю Председателя Совета Министров СССР К. Е. Ворошилову. Он пишет:

После пространного объяснения проф. Жебрака началось обсуждение его поступка. Обсуждение продолжалось 5 часов.

Проф. Жебрак мужественно выслушал обвинения; признал, что совершил ряд политических ошибок, но никак не мог признать, что он — член партии с 30-летним стажем, сын белорусского народа, обязанный своими научными достижениями и своим ученым званием советскому народу и большевистской партии — совершил проступок против своей Родины.

Все заседание велось в резких выражениях, а под конец некоторые из выступающих перешли всякие грани резкости и нанесли такую душевную травму проф. Жебраку, что этот мужественный человек не выдержал, разрыдался, залился слезами и долгое время не мог прийти в себя. После этого начались сжимающие боли в области сердца и за грудиной, по всему нему пробегала дрожь и проф. Жебрак не смог заснуть всю ночь.

Обращаюсь к Вам, Клемент Ефремович, как свидетель происшедшего и как врач и прошу Вас оградить в дальнейшем проф. Жебрака от душевных травм, подобных только что им перенесенной [10, л. 63].

К письму было приложено заключение на личном бланке Мелких, где он удостоверяет, что припадок у Жебрака случился «после тяжелой душевной травмы, нанесенной во время 5-часового закрытого заседания президиума» [10, л. 65]. В заключении указывается, что по состоянию своего здоровья Жебрак нуждается в покое и преимущественно постельном режиме в течение 2—3 недель.

На письме Мелких Ворошилов начертал резолюцию для секретаря ЦК Кузнецова: «Направляю для сведения, и если найдете нужным, то и для принятия кое-каких мер» [10, л. 64]. Что за меры имел в виду Ворошилов, сказать трудно, но вряд ли они предполагали облегчить состояние Жебрака.

Здесь возникает вопрос, почему это письмо было адресовано Ворошилову, а не кому-либо из секретарей ЦК? Вероятно, потому, что Ворошилов знал Жебрака с гражданской войны, и можно было рассчитывать, что как человек, далекий от идеологических баталий, он сможет повлиять на судьбу этого дела. Увы, Ворошилов не захотел вмешиваться в судьбу Жебрака.

Закрытое заседание Президиума Академии наук БССР могло иметь для Жебрака еще более серьезные последствия. Как утверждает Дубинин (со слов Э. А. Жебрака), сразу после заседания Жебрак не поехал домой, а вместе со своим учеником Е. И. Багреевым скрылся на своей скромной даче в Комарове, в одноэтажном домике барачного типа, которых в ту пору в Минске было очень много [2]. Никем не замеченный он провел там два дня, а затем уехал в Москву. В эти дни, как потом сообщали белорусские друзья Жебрака, им очень интересовались сотрудники МВД БССР. А Сойфер даже утверждает, что пока Жебрак скрывался на даче, в его городскую квартиру нагрянули сотрудники МВД, а министр Л. Ф. Цанава настойчиво предлагал ему приехать в Минск на пару дней, но Жебрак не подчинился [1]. И Сойфер, и Дубинин предполагают, что Жебрака хотели арестовать.

Однако эта версия вряд ли справедлива. Партийными органами была запущена грандиозная общесоюзная кампания — Суд чести над антипатриотом Жебраком — и испортить ее никакому министру было не дозволено. Если бы действительно было принято решение арестовать Жебрака, то это было бы сделано без промедления.

Вернувшись в Москву, Жебрак продолжал бороться. Сейчас его главная цель состояла, если не добиться отмены Суда чести, то хотя бы оттянуть его начало, чтобы немного улеглись страсти.

20 октября 1947 г. он пишет Молотову большое письмо с приложением статей Денна, Сакса и своей первоначальной и окончательной [10, л. 66—70]. Жебрак подробно описывает историю со своей статьей. Он выражает недоумение, почему без разбирательства партийных органов, как это обычно делается, выступила газета «Правда». Жебрак квалифицирует это как грубый политический шантаж, организованный Лысенко и «Исаем Израилевичем Презентом»*.

В заключение Жебрак пишет, что осознал все недостатки своей статьи и готов исправить их в нашей и иностранной печати «с разоблачением бредней поджигателей новой войны, использующих в своих целях некоторые "теории" буржуазной генетики» [10, л. 68].

Жебрак обращает внимание Молотова на такой факт. Его статья была написана в 1945 г. и всеми партийными инстанциями одобрена. В последующие два года он стал депутатом Верховного Совета БССР, членом Президиума Верховного Совета БССР, президентом АН БССР и никто не вспомнил об этой статье. Более того, при утверждении его кандидатуры на пост президента АН БССР в ЦК ВКП(б) его статью вновь внимательно просмотрели ответственные работники ЦК Бараненков, Балезин, Суворов, Иовчук, и все одобрили. Что же случилось, почему сейчас его статья признана антипатриотической и наносящей вред государству? Жебрак выражает искреннее недоумение, хотя ему, конечно, ясно, что он был намечен и стал жертвой очередной идеологической кампании, инициатором которой был сам Сталин.

Жебрак не согласен с решением Президиума АН об освобождении его с поста президента. Говоря же о попытке учинить над ним Суд чести, Жебрак пишет, что «министр Высшего образования СССР тов. Кафтанов распорядился поступить со мной как с обывателем» [10, л. 70]. Реакции на это письмо не последовало.

1 ноября 1947 г. Жебрак пишет короткое письмо на имя Суслова. Он опять говорит о политическом шантаже со стороны Лысенко и приводит два факта, подтверждающие это. Первый факт — попытка Лысенко узнать через третьих лиц о реакции Жебрака и Дубинина на статью Лаптева (куда и кто пишет в их защиту). Второй — письмо Лысенко декану биологического факультета Свердловского университета с предложением обсудить статью Лаптева и результаты обсуждения послать в «Правду». Реакции на это письмо опять никакой.

В этот период Жебрак упорно уклоняется от явки на Суд чести, мотивируя это своей болезнью. Об этом Кафтанов сообщает секретарю ЦК А. А. Кузнецову 1 ноября 1947 г. [10, л. 97]. Он просит согласие на проведение открытого заседания Суда чести над Жебраком. Резолюция Кузнецова — «согласен». Но Жебрак на Суд чести не явился, и 15 ноября весь состав суда обращается за помощью к Кузнецову [10, л. 98]. В этой записке есть интересный факт. Оказывается, что ранее Жебрак сам назвал дату своей явки на суд — 30 октября, но в тот же день известил по телефону, что после обдумывания он пришел к категорическому заключению о невозможности вообще своей явки на Суд чести.

> Суд чести, — говорится далее в письме, — квалифицирует такое поведение проф. Жебрака как сознательное уклонение от ответственности за совершенный им антипатриотический поступок и игнорирование Суда чести, просит Вас привлечь проф. Жебрака к партийной ответственности [10, л. 98].

На этой записке Кузнецов оставил резолюцию: «т. Бараненкову. Предупредите т. Жебрака».

Жебрака предупредили, и он вынужден был явиться на Суд чести.

* Имя, отчество и фамилия специально выделены Жебраком.

* * *

Суд чести над Жебраком состоялся 21 и 22 ноября 1947 г. в большой аудитории Политехнического музея. Билеты на суд раздавались студентам, преподавателям и научным работникам вузов и научно-исследовательских институтов. Всего раздали 1266 билетов. В первый день на суде присутствовали 1100 человек, во второй — всего 800. В сообщении ЦК это снижение «явочной активности» объясняется тем, что заседание суда проходило в рабочее время с 11 до 17 часов [10, л. 100—101].

Заседание началось с прочтения письма Кафтанова в Суд чести и заключения партийного комитета МВО по этому делу (см. выше). Затем было оглашено обвинительное заключение. Оно удивляет своими противоречиями со здравым смыслом. Статья Жебрака, в которой он опровергает выводы Сакса, объявляется... поддерживающей эту статью.

> Священный долг советского ученого проф. Жебрака, — написано далее в обвинительном заключении, — состоял не в том, чтобы идти по пути Сакса и искажать истинное состояние советской биологии, а в том, чтобы разоблачить Сакса, противопоставить его лжи показ огромных, известных всему прогрессивному научному миру достижений советской биологической науки. Выполнил ли проф. Жебрак этот патриотический долг? Нет, он его не выполнил! [22, л. 157].

В обвинении утверждается, что Жебрак описал состояние советской биологии в тенденциозно-ложном необъективном виде, не показав роль и значение работ Лысенко и его сторонников. В обвинительном заключении говорится:

> Проф. Жебрак совершенно сознательно представил в зарубежной реакционной печати академика Лысенко в отрыве от современной советской биологии, объявив его взгляды в области генетики умозрительными и наивными [22, л. 163].

Не обошли вниманием в заключении и замечание Сакса об открытии яровизации в Америке сто лет назад. И здесь, оказывается виноват Жебрак, который «обошел молчанием лживое утверждение Сакса» [22, л. 69]. Ну а заключительный абзац статьи Жебрака о мировой биологической науке вызвал прямо шквал негодования:

> Следствием установлено, что проф. Жебрак в своей статье подтвердил буржуазную теорию о надклассовости науки и не показал, что в условиях советского строя наука служит интересам трудящихся, в то время как в буржуазных странах она защищает интересы экономически господствующих эксплуататорских классов... Проф. Жебрак, игнорируя основное положение о том, что в современных условиях нет и не может быть единой мировой науки, а всякая наука имеет классово обусловленный характер, делает чуждое советской идеологии заявление о том, что «вместе с американскими учеными, работающие в этой же области в России, строят общую биологию мирового масштаба». С кем это «вместе» строит Жебрак биологию мирового масштаба? Жебрак забыл, что в науке о наследственности и изменчивости организмов, в генетической науке находит свое яркое выражение классовая борьба [22, л. 170].

Последнее обвинение трудно отнести к антипатриотизму, но в то же время было не менее серьезным. Начиная с 30-х гг. партийные руководители стали развивать тезис о существовании особой прогрессивной советской науки в противовес загнивающей буржуазной науке. Этот удивительный вывод вытекал из распространения на науку положения исторического материализма о классовой борьбе. Марксисты считали, что во всех отраслях науки, будь то история, экономика, матема-

тика или биология происходит постоянная борьба между представителями буржуазной и пролетарской науки, каждые из которых стремятся использовать выводы этих наук для нужд своего класса. Так Лысенко вместе с Презентом постоянно муссировали тезис о том, что хромосомная теория наследственности и внутривидовая борьба есть атрибуты буржуазной биологии, специально выдуманные представителями буржуазной науки для оправдания господства капиталистического строя. На этом фоне заявления о создании мировой науки рассматривались как политически вредные по сути и антисоветские по содержанию. Естественно, что они безжалостно пресекались. Поэтому это последнее обвинение усугубило положение Жебрака.

В последней части заключения сформулированы собственно пункты обвинения. Они переписаны слово в слово из письма парткома МВО (см. выше). Их пять: «не разоблачил клеветы буржуазных реакционеров», «принизил всемирно известные достижения советской биологической науки», «призвал к созданию совместно с американскими реакционными учеными биологии мирового масштаба», «оклеветал выдающегося советского ученого и новатора Лысенко» и «перенес теоретическую дискуссию советских ученых... на страницы зарубежной печати» [22, л. 172].

После прочтения обвинительного заключения начался допрос Жебрака. На вопрос председателя суда Кочергина, признает ли он себя виновным в антипатриотическом поступке, Жебрак ответил отрицательно. Как и на предварительном следствии, он счел возможным признать некоторые политические ошибки своей статьи.

Для более объективного разбирательства Жебрак попросил зачитать свою статью целиком, но суд отказал ему в этом. Понятно, почему это было сделано. Почти никто из сидящих в зале не читал статью Жебрака, и поэтому, выхватывая отдельные ее фрагменты, члены суда легко придавали нужный обвинению смысл.

Стенограмма допроса Жебрака производит тяжелое впечатление. Весь допрос велся поистине иезуитскими методами. Судьям надо было во что бы то ни стало добиться признания Жебрака в совершении антипатриотического поступка. Поэтому в ход шли совершенно удивительные и лишенные всякой логики умозаключения. Вот один пример. Целью своей статьи Жебрак считает «отвести клеветнические выпады реакционного американского ученого Сакса на наш политический строй и на положение генетической науки в нашей стране» [22, л. 176]. Член суда Самарин тут же заявляет, что статья называлась «Советская биология», поэтому, говоря только о положении генетики в стране, Жебрак дает Западу понять, что никакой другой биологической науки у нас нет.

Или вот другой пример:

> Шевцов: Когда Вы говорите о построении мировой науки, с кем Вы предполагаете строить совместно мировую науку?
>
> Жебрак: Я думаю, что этот вопрос совершенно ясен, что только с прогрессивными учеными зарубежных стран...
>
> Шевцов: Вы признали, что Сакс является реакционером. Вы отвечаете ему и Вы говорите о мировой науке ему, персонально Саксу, реакционеру и фашисту.
>
> Кочергин: С кем же Вы собираетесь строить мировую науку?
>
> Жебрак: Если бы это было мое письмо к Саксу, то это можно было бы так толковать, как толкует один из членов Суда чести, но я писал через журнал «Наука», распространенный во всех странах мира, и обращался к прогрессивным ученым, и, естественно, что это обращение было не к Саксу, а к прогрессивным мировым ученым, которые доброжелательно относятся к нам...

Самарин: Проф. Жебрак, Вы не так излагаете этот вопрос в своей статье. Вы пишете, что русские ученые высоко ценят ученых Америки и их крупный вклад в сокровищницу мировой науки и с уважением относятся к демократическим принципам американского общества, которому угрожала гитлеровская реакция в одинаковой степени, как и нашему советскому порядку. И что, работая в области биологической науки, мы вместе с американскими учеными строим общую мировую биологическую науку. Так что здесь вовсе нет оговорки о том, что мы строим эту науку, во-первых, прогрессивную, во-вторых, с прогрессивными учеными. Вы просто безлично обращаетесь к американским ученым. Вам нравятся и демократическая страна Америка, и крупные ученые американские. Так с кем же Вы хотели строить эту мировую биологическую науку? [22, л. 185—187].

Особо агрессивную реакцию суда вызвала та часть статьи Жебрака, которая посвящена Лысенко:

Кочергин: Суд считает, что ваша оценка Лысенко и оценка Сакса не отличаются друг от друга.

Самарин: Сакс в своей статье опорочивает советского ученого академика Лысенко. Если Вы поставили задачу защитить нашу советскую науку, то Вы обязаны были защитить и академика Лысенко, отвечая на клевету Сакса. Вы же не только не сделали этого, а к отрицательной оценке Сакса Лысенко добавили свою отрицательную оценку. Спрашивается, выполнили Вы задачу, которую на себя брали? [22, л. 200].

На это Жебрак ответил, что Лысенко должен был бы защищать себя сам. Он еще раз повторил, что не согласен с «наивными и умозрительными» идеями Лысенко.

Вспомнили члены суда и характеристику Лысенко как «ученого агронома». Жебраку предъявили Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Лысенко звания Героя Социалистического Труда за успехи «в развитии сельскохозяйственной науки и поднятии урожайности сельскохозяйственных культур». Поскольку в указе фигурировало слово «наука», члены суда обвинили Жебрака в умалении заслуг Лысенко. Но Жебрак легко парировал это обвинение, сказав, что его статья была послана в Америку 25 апреля 1947 г., а указ вышел лишь 12 июня, и о нем Жебрак ничего знать не мог.

Эту полемику можно воспринимать с известной долей юмора, но Жебраку было не до шуток. В конце заседания суда он почувствовал себя плохо, заболело сердце, и он заявил о невозможности своего участия в заседании. Заседание было перенесено на следующий день.

* * *

22 ноября 1947 г. после небольшой дискуссии о приоритете в открытии яровизации, начался допрос свидетелей.

Свидетели Борисенко и Лоза не сказали ничего нового по сравнению с предварительным следствием. Однако держались они теперь менее уверенно. На вопрос Жебрака, читал ли Борисенко в 1945 г. его статью, тот ответил, что не читал. А Лоза оказывается никогда не читал и статьи Сакса. И если бы председатель не отвел дальнейшие вопросы Жебрака, эти свидетели выглядели бы совершенно несостоятельными.

Затем начались выступления. Первым слово взял Дубинин. И хотя он начал с осуждения Жебрака за допущенную им «серьезную политическую ошибку», его

речь была направлена в защиту Жебрака. По мнению Дубинина, статья Сакса была написана со специальной провокационной целью — столкнуть между собой советских ученых, стоящих на противоположных научных позициях генетиков и сторонников Лысенко. Жебрак не разглядел этого злого умысла и не показал всему миру политическое единство советских ученых.

Но в то же время в статье Жебрака Дубинин отметил ряд положительных моментов. Жебрак показал, что советское государство строится на научной основе, что в стране во время войны наука широко развивалась, что советские ученые разрешают свои споры в свободных творческих дискуссиях. В подтверждение своих слов Дубинин указал, что ни в одной антисоветской статье западных ученых нет ссылок на статью Жебрака.

Не мог не коснуться Дубинин и статьи Лаптева. Но стоило ему заикнуться об этом, как председатель суда прервал его, заявив:

> Статья т. Лаптева, напечатанная в центральном органе нашей партии «Правде», не может подлежать обсуждению в настоящем заседании Суда чести [22, л. 229].

Не дал председатель Дубинину высказать свое отношение и к теоретическим взглядам Лысенко.

Следующим выступил ректор ТСХА В. С. Немчинов. Как бы оправдываясь, он сообщил, что партком МВО рассмотрел дело Жебрака 10 октября, а партком ТСХА раньше 22 сентября — и независимо от парткома МВО постановил передать дело Жебрака в Суд чести. А 29 сентября это дело разбиралось на расширенном заседании Ученого совета, который «единодушно заклеймил» Жебрака.

Немчинов попытался подвести теоретическую базу под дело Жебрака. Он связал идеологические постановления ЦК с дискуссией по книге Александрова «История западноевропейской философии» и делом Жебрака, придав этим кампаниям смысл «наступления на пережитки капитализма в сознании людей», для идеологического вооружения советских людей (на случай новой войны?).

А закончил Немчинов удивительной фразой для сегодняшнего читателя, но вполне расхожей для того времени:

> Тов. Жебрак не понял, вернее забыл, что в науке о наследственности и изменчивости живых организмов, в генетической науке, находит свое яркое выражение классовая борьба [22, л. 241].

Не понял и предложил строить с американцами мировую биологию.

И. В. Якушкин, академик ВАСХНИЛ, увидел корни антипатриотического поступка Жебрака в его преклонении перед заграницей.

> Одним из корней такого положения, по моему мнению, следует считать еще не всеми советскими учеными изжитую схему, по которой основную славу тому или иному ученому придавали подписи в заграничных журналах и опубликование их работ в заграничной печати. В одних случаях это приводило к передаче государственных тайн или государственных ценных материалов, в другом — в этом выражалось все еще не изжитое низкопоклонство перед буржуазной наукой со стороны советских ученых [22, л. 243].

И, наконец, последним выступил Н. В. Турбин. Лейтмотив его речи: суд над Жебраком — это показательный процесс над всеми, кто выступает против Лысенко. Он сказал:

> Главная цель нашего разбирательства, мне кажется, заключается не просто в том, чтобы зафиксировать в юридическом документе осуждение поведения проф.

Жебрака нашей советской общественностью. Главная цель заключается в том, чтобы из выступления проф. Жебрака извлечь правильные политические уроки для советских научных работников и, я бы добавил, в первую очередь для той части наших советских биологов, которые на протяжении многих лет с нескрываемым одобрением относились ко всей предшествующей деятельности проф. Жебрака [22, л. 246—247].

Итак, из шести выступивших на Суде чести лишь один Дубинин (правда, с тактическими оговорками) поддержал Жебрака. Такое соотношение должно было означать осуждение широкой научной общественностью антипатриотического поступка Жебрака.

В последнем слове Жебрак построил свою защиту следующим образом. Он, как и раньше, признал свою политическую ошибку — «пассивно-оборонительную позицию», — но объяснил ее изменившейся политической ситуацией. Статья была написана в 1945 г., когда американцы были нашими друзьями. Статью все читали, и никто ее не критиковал. Но сейчас обстановка изменилась, и

перед нашей интеллигенцией поставлена основная политическая задача по преодолению элементов капитализма в сознании людей, и этим основным элементом является низкопоклонство и пресмыкательство перед буржуазной культурой, перед буржуазной наукой. Этому уровню политических задач, стоящих перед нашей советской интеллигенцией, моя статья не соответствует. С этой точки зрения я и рассматриваю общеполитическую критику этой статьи [22, л. 260].

Таким образом получается — статья ошибочная, но лишь с точки зрения сегодняшних указаний партии, и я, Жебрак, в этом не виноват.

После десятиминутного перерыва слово было предоставлено общественному обвинителю профессору Новикову. Его патетическая речь начиналась так:

Мы слушаем дело по обвинению профессора Жебрака в совершении таких поступков, которые явно говорят о нарушении профессором Жебраком нашей советской морали, нарушении долга чести и достоинства советского гражданина-ученого, об отсутствии у профессора Жебрака присущего сынам нашей Родины советского патриотизма.

Профессор Жебрак забыл про интересы дорогой для всех нас матери-Родины, нашей советской отчизны, забыл, как советский ученый, про свой священный долг вести непримиримую борьбу на идеологическом фронте с теми чуждыми для нас фашистскими и реакционными зарубежными учеными, которые, ненавидя созданное Лениным и Сталиным наше социалистическое государство, клевещут на него, на наш народ, на наших отдельных соотечественников [22, л. 246].

Если воспринимать эти слова всерьез, а не как традиционную для того времени политическую риторику, то можно было себе представить, что речь идет по меньшей мере о предательстве и шпионе, а не о защищающем свой строй твердокаменном партийце, позволившем себе иметь свое мнение по частному научному вопросу. Но тогда любили громкие фразы, часто не соответствующие существу и важности обсуждаемого события. Но эту фразеологию опасно было недооценить. Она как бы заранее предполагала максимальную степень вины и максимальную меру ответственности, а там директивные органы уже сами решали, какое наказание, максимальное или нет, применить к обвиняемому.

Речь Новикова по характеру обвинений не отличалась от письма парткома и обвинительного заключения, и в этом она не была оригинальной. Но в конце свое-

го выступления Новиков позволил себе выдать, так сказать, оригинальную часть — «корни антипатриотических поступков проф. Жебрака». По мнению общественного обвинителя, их четыре.

1. Жебрак «не сумел впитать в себя всю глубину великой русской советской культуры. Именно по этой причине чуждая американская культура оказала на него свое тлетворное влияние» [22, л. 290]. В подтверждение этого Новиков приводит уже известную, по показаниям свидетеля Лозы, байку о том, что, приехав из Америки, он на двери собственной квартиры повесил табличку со своей фамилией на английском языке. В самое последнее время в одной из своих статей Жебрак дает определение вида по Херсту и Бэбкоку. «Профессор Жебрак, — возмущается по этому поводу Новиков, — решительно обходит русскую науку и разработанный ею анализ видов. Ему не хочется цитировать глубокие русские определения вида нашими учеными. Он в плену у американской науки» [22, л. 290].

2. Жебрак принадлежит к генетикам-мутационистам, т. е. к тем ученым, которые считают, что новые виды возникают в результате мутаций в генетическом аппарате клетки. Поэтому, утверждает Новиков, Жебраку чужд исторический подход в биологии, в результате которого возникают новые виды как результат воздействия окружающей среды.

3. Жебрак страдает зазнайством. Так, говоря о генетической конференции в МГУ, он упомянул только три доклада, в том числе свой, хотя там выступало около 100 докладчиков. Новиков отметил, что и на предварительном следствии Жебрак проявил свое зазнайство.

4. У Жебрака явная злобность к Лысенко.

Эти «корни» и привели Жебрака к антипатриотическому поступку. Заклеймив его, Суд чести дает урок всем инакомыслящим.

> Пусть тот стыд, — сказал Новиков, — который мы испытываем здесь за поступок проф. Жебрака будет поучительным примером для всех нас [22, л. 295].

Свою речь общественный обвинитель закончил требованием наказания в виде общественного выговора.

Из стенограммы не ясно, как закончился Суд чести. К ней приложено лишь решение суда. В его констатирующей части повторяется все ранее звучавшие обвинения в адрес Жебрака. В постановляющей части Суд чести счел доказанным четыре антипатриотических поступка, формулировка которых дословно совпадает с 1—3-м и 5-м пунктами обвинений, выдвинутых в письме парткома МВО (см. выше). Но в решении отсутствует четвертый пункт обвинения парткома. Напомню, в нем говорилось, что Жебрак оклеветал «выдающегося советского ученого и новатора» Лысенко, представив его перед всем миром как человека, взгляды которого в области генетики «основаны на чисто умозрительных и наивных заключениях». Вместо него в последнем пункте было глухо сказано, что, перенеся на страницы зарубежной печати теоретические разногласия, Жебрак «пытался опорочить своих теоретических противников перед лицом зарубежной научной общественности» [22, л. 301].

Почему исчез пункт с упоминанием фамилии Лысенко, можно лишь гадать. Вероятно, сыграло свою роль общественное мнение, которое увидело в этом суде явную пролысенковскую ориентацию. Может быть, судьи почувствовали шаткость положения в эти годы самого Лысенко (см. выше). Возможно, этот пункт был изъят для того, чтобы не раздражать мировую научную элиту. Возможно... Скорее всего, действовали все эти факторы вместе, поскольку ничего случайного в таких документах вообще не могло быть.

В решении суда сказано:

Суд чести Министерства высшего образования СССР а соответствии с §11 постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 г. за № 758 «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомств» постановляет:

Объявить профессору Жебраку А. Р. общественный выговор.

Решение Суда чести окончательное.

Копию настоящего решения Суда чести приобщить к личному делу профессора Жебрака [22, л. 302].

* * *

Интересна реакция на решение Суда чести всех заинтересованных лиц.

Уже 24 ноября 1947 г. спустя два дня после Суда чести, заведующий Отделом высших учебных заведений и научных учреждений Управления кадров ЦК Бараненков докладывает секретарю ЦК Кузнецову, что Жебрак не признал себя виновным в совершении антипатриотического поступка. По его мнению, это обусловлено личными качествами Жебрака.

Свидетели в своих показаниях, — пишет Бараненков, — охарактеризовали Жебрака как самолюбивого человека, не считающегося с мнением наших ученых и вместе с тем преклоняющегося перед буржуазными учеными, особенно американскими... В заключительном слове Жебрак так же, как и при допросе, нередко под смех присутствующих, продолжал отрицать свою вину в совершении антипатриотического поступка [10, л. 100].

Вообще в этой докладной записке написано все, что желал бы услышать руководитель идеологического ведомства ЦК ВКП(б). Тут и мнения свидетелей, которые «убедительно показали, что корни этого поступка (статьи Жебрака. — *А. С.*) кроются в его раболепии перед буржуазной наукой» [10, л. 101], тут и мнение общественного обвинителя, что «Жебрак не имеет настоящего лица советского ученого» [10, л. 101]. И, самое главное,

заседание Суда чести Министерства высшего образования по делу проф. Жебрака было подготовлено удовлетворительно и, несмотря на попытки обвиняемого смазать существо дела, выступление общественного обвинителя, как и выступавших ученых, были встречены присутствующими тепло и нашли большое сочувствие. Также тепло было встречено решение Суда чести об объявлении Жебраку общественного выговора [10, л. 101].

Итак, мероприятие воспитательного характера состоялось и было, как говорится, «тепло» встречено присутствующими. Теперь нужно было внедрить его результаты в широкие слои научной общественности. Бараненков предлагает поручить МВО разослать обвинительное заключение, речь общественного обвинителя и решение суда во все вузы и научные учреждения для обсуждения на ученых советах.

С такой же просьбой к Кузнецову обратился и Кафтанов. Он считал, что обсуждение материалов Суда чести позволит «принять необходимые меры для усиления идейно-политической работы, борьбы с низкопоклонством и раболепием перед буржуазной наукой и культурой» [10, л. 117]. На этом письме есть резолюция Кузнецова: «Согласен».

Однако рассылка все же не состоялась. 4 марта 1948 г. тот же Бараненков сообщает в Секретариат Кузнецову, что, ознакомившись с представленными Кафтано-

вым материалами Суда чести, его отдел счел их рассылку нецелесообразной. «Материал чрезвычайно громоздок, — пишет Бараненков. — Имеют место излишние повторы. Недостаточно целеустремлен и поэтому не может дать желательных результатов» [10, л. 303].

Какова истинная причина отмены этой акции, сказать трудно. Но также трудно поверить, что при необходимости в отделе Бараненкова не сумели бы быстро привести материалы Суда чести в нужный вид. Видимо, дело не в громоздкости и недостаточной целеустремленности. Вполне возможно, что работники ЦК поняли всю надуманность и тенденциозность обвинений против Жебрака и явную пролысенковскую направленность всего процесса. При обсуждении в институтах и вузах эта тенденциозность могла вызвать у ученых реакцию, противоположную той, которую хотели бы иметь организаторы кампании. Поэтому и сочли лучше не афишировать подробности суда. Кстати, и в средствах массовой информации этот процесс также прошел незамеченным.

Теперь о реакции Жебрака. 24 ноября 1947 г. он пишет Кузнецову большое письмо. Признав ошибки своей статьи — «пассивно-оборонительную позицию», — он тем не менее продолжил борьбу против Лысенко. Жебрак сообщает Кузнецову, что в 1946 г. в США вышел перевод книги Лысенко «О наследственности и ее изменчивости». Все рецензии на эту книгу были отрицательными. Даже Денн «сравнил эту работу, в которой Лысенко отвергает современную генетику, с отрицанием фактов эволюции в некоторых районах США» [10, л. 121].

> Поэтому, — пишет Жебрак, — защищать взгляды Лысенко в области генетики нельзя без потерь авторитета страны и авторитета ученого, претендующего на элементарные знания фактов данной науки. Взгляды Лысенко в области генетики аналогичны взглядам человека, который в области химии стал бы отрицать периодический закон Менделеева и все дальнейшие следствия из этого закона [10, л. 121].

Жебрак просит Кузнецова о личной встрече, на которой он «имеет в виду дать дополнительные объяснения по существу положения в нашей науке», а также изложить просьбу о том, чтобы ему «дали возможность своей научной и педагогической работой восстановить доверие нашей партии и нашей научной общественности» [10, л. 122].

Встреча, конечно, не состоялась, но в связи с этим письмом Жебрак был вызван в Отдел высших учебных заведений и научных учреждений Управления кадров ЦК, где ему в беседе были «даны исчерпывающие ответы на поставленные им вопросы» [10, л. 123]. Кроме того, были даны указания МВО о создании ему условий для научной и педагогической работы.

Какие это «условия», выяснилось очень скоро. В августе 1948 г. Жебрака освободили от преподавания в ТСХА, и он вынужден был перейти на работу в Лесотехнический институт. Там атмосфера тоже была тяжелой, и он ушел в Фармацевтический институт, где проработал до конца жизни профессором ботаники. Это, видимо, и были те «условия», которые предоставил ему ЦК.

В конце января 1948 г. Жебрак пишет письмо Суслову о том, что он не согласен с мотивами и решением ЦК КП(б) Белоруссии об освобождении его от обязанностей президента АН БССР. Суслов поручил это дело Шепилову. И тот 29 января 1948 г. отвечает служебной запиской, где сообщает, что, поскольку

> дело Жебрака разбиралось на Суде чести, который признал обвинения, предъявленные ему советской печатью, правильными и объявил ему общественный выговор, жалобу т. Жебрака следует оставить без последствий [10, л. 96].

* * *

Прошло всего полгода после суда над Жебраком, и ситуация в биологической науке резко изменилась. 31 июля 1948 г. открылась сессия ВАСХНИЛ, и начался настоящий разгром генетики.

Жебрак выступил на этой сессии, представив только свой экспериментальный материал по гибридизации гречихи, проса и пшеницы. Он специально обходил теоретические вопросы, однако объяснял свои результаты с позиций общепринятой хромосомной теории. В его выступлении нет не только намека на разоблачение лысенковщины, но даже попытки спорить с этими «учеными» по проблемам биологии. Это кажется совершенно непонятным на фоне выступлений Б. М. Заводовского, И. А. Рапопорта, И. И. Шмальгаузена и др. «менделистов-морганистов».

Однако объяснение предельно простое — Жебрак не хотел дальнейшего обострения ситуации.

15 августа, через неделю после окончания сессии ВАСХНИЛ, в «Правде» появилось письмо Жебрака. Сегодня читать его без боли нельзя. Оно начиналось следующим абзацем:

> До сих пор, пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике и споры между этими направлениями рассматривались как творческие дискуссии по теоретическим вопросам современной науки, помогающие в споре найти истину, я настойчиво отстаивал свои взгляды, которые по частным вопросам расходились со взглядами акад. Лысенко. Но теперь, после того, как стало ясно, что основные положения мичуринского направления в советской генетике одобрены ЦК ВКП(б), то я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии [24].

Далее Жебрак пишет, что критика Лысенко вейсманизма (учения о соматической и зародышевой плазме) совершенно правильна и он сам критиковал ее в 1936—1937 гг. Далее следует цитата из его статьи. По поводу влияния внешней среды на организмы взгляды Жебрака не противоречат мичуринским — опять цитата из его статьи. Жебрак пишет, что все его работы «идут в плане признания зависимости наследственной основы от внешней среды» [24] — далее опять цитата из статьи 1944 г. А кончается письмо так:

> Поскольку священный долг ученых нашей страны идти в ногу со всем народом, выполнять жизненно насущные потребности своего государства и запросы народа, бороться с пережитками капитализма, помогать коммунистическому воспитанию трудящихся и непрерывно двигать науку вперед, то я, как член партии и ученый из народа, не хочу, чтобы меня считали отщепенцем, не хочу быть в стороне от выполнения благородных задач ученых своей Родины. Я хочу работать в рамках того направления, которое признается передовым в нашей стране, и теми методами, которые предложены Тимирязевым и Мичуриным. Отныне я всеми силами буду стремиться к тому, чтобы мои работы давали максимальную пользу нашей стране, чтобы они творчески развивали наследие Тимирязева и Мичурина, чтобы они помогали коммунистическому строительству нашей Родины [24].

Это письмо сопровождается текстом «От редакции». В нем газета не соглашается с главным утверждением Жебрака, приводя в качестве аргументов цитаты из его статей. Там сказано, что партия не поддерживала два направления в генетике, а всегда только одно — мичуринское материалистическое. Критика Лысенко вей-

сманистов-морганистов не совпадает с ее критикой Жебраком, так как он всегда стоял на идеалистических позициях. Жебрак в своих работах не пользовался мичуринским методом, морганизм-менделизм расходится с мичуринским методом в коренном вопросе о наследовании приобретенных под воздействием внешних факторов качеств.

Текст «От редакции» фактически дезавуировал смысл письма Жебрака. Более того, в нем весьма резко и несправедливо было сказано и о практической его работе:

> Жебраком пока что не выведено ни одного ценного сорта, не сделано ни одного практически ценного для нашего сельского хозяйства предложения. Так же, как и другие представители вейсманистско-морганистского направления, проф. Жебрак подобен бесплодной смоковнице [24].

Эта публикация послужила как бы сигналом к новым гонениям на Жебрака.

Через два дня, 17 августа 1948 г., состоялось заседание Президиума АН БССР по поводу выступления Жебрака на сессии ВАСХНИЛ и его письма в «Правде». Президиум осудил эти выступления «как глубоко ошибочные, идущие вразрез со взглядами и направлениями работ коллектива ученых АН БССР» [25, с. 139]. Президиум «от лица всего коллектива ученых Академии единодушно осуждает реакционные теории в области биологии и считает выступления Жебрака... недостойными советского ученого» [25, с. 139].

Но осуждением дело не ограничилось. Для проверки всей деятельности Жебрака в институтах АН БССР была создана специальная комиссия.

Через два дня комиссия сделала свое заключение [26]. Ее выводы нетрудно было предугадать— цель экспериментов Жебрака с полиплоидными гречихой, просом и пшеницей далека от осуществления и достижима только на базе мичуринских методов. Поэтому комиссия считает эти работы «сомнительными». А поскольку опыты проводятся на неверной теоретической и методической основе менделизма-морганизма, комиссия сочла нецелесообразным их продолжение.

Работы Жебрака обсуждались и на Ученом совете Института биологии АН БССР.

> Ученый совет, — говорится в постановлении, — не может обойти молчанием тот факт, что А. Р. Жебрак в своем выступлении на сессии ВАСХНИЛ по существу остался на позициях формальной генетики, а в своем неискреннем письме в газету «Правда» от 15 августа с. г. стал на путь отрицания поддержки в своих работах вейсманистского направления и пытался завуалировать свои ошибки, вместо тщательного разбора и критики их [27, с. 141].

Жебраку инкриминировали также «пренебрежительное отношение к Ученому совету», выразившееся... в недопустимой задержке отчета своего отдела за 1947 г. и непредставления в срок научной тематики на 1948 г.

Всех этих грехов оказалось достаточно, чтобы Ученый совет изъял работы Жебрака из плана 1948 г. и из пятилетнего плана. Самого Жебрака, который за последние 4 месяца не был в институте ни разу, Ученый совет рекомендовал снять с должности старшего научного сотрудника и уволить из института.

20 августа Президиум АН БССР заслушал выводы комиссии и утвердил их. Он постановил согласиться с заключением комиссии о прекращении работ Жебрака с полиплоидными растениями «как бесплодных и исходящих из реакционно-идеалистической теории менделизма-морганизма» [28, с. 143].

Жебрака отчислили из Института биологии как ученого, «который не может вести плодотворную исследовательскую работу, так как исходит из порочных теоретических менделевско-моргановских установок» [28, с. 143], и исключили из состава Ученых советов Института биологии и Института социалистического сельского хозяйства. Жебраку было предложено к 15 сентября возвратить весь запас семян, вывезенных им в Москву. Кроме того, Президиум признал ошибочным прежнее свое решение об оказании Жебраку помощи в проведении его работ в Москве и выдачи ему 5000 руб., а также «и другие виды помощи». Что касается «других видов помощи», то ситуация с ними не ясна, но 5000 рублей Жебраку, по-видимому, пришлось возвратить Президиуму АН БССР.

Окончательную точку в этом деле поставило постановление расширенного заседания Президиума АН БССР, проходившего 3—4 сентября 1948 г. [29]. Оно утвердило ранее принятое постановление Президиума АН БССР.

Так закончилось это громкое дело, продемонстрировавшее всем противникам Лысенко, что может сделать система с независимым ученым, если его взгляды противоречат установкам идеологических органов.

* * *

В статье Лаптева в газете «Правда» вместе с Жебраком упоминается и Дубинин, написавший, по мнению властей, антипатриотическую статью в тот же американский журнал (см. выше). Поэтому параллельно с делом Жебрака стало раскручиваться и дело Дубинина.

Николай Петрович Дубинин, 1930-е гг.
Из семейного архива Л. Г. Дубининой

Николай Петрович Дубинин родился в 1907 г. в Кронштадте [30]. В 1928 г. он окончил биологическое отделение физико-математического факультета МГУ. Его учителями были выдающиеся русские ученые-генетики Н. К. Кольцов, С. С. Четвериков и А. С. Серебровский. С 1932 по 1958 гг. Дубинин возглавлял отдел генетики (с 1938 г. — цитогенетики) Института экспериментальной биологии АН СССР. Здесь им были сделаны выдающиеся открытия — совместно с Серебровским — эффект дробления генов (явление ступенчатого аллелизма) и совместно с Б. Н. Сидоровым — эффект положения гена (зависимость действия гена от соседних). За эти достижения Дубинин был избран в 1946 г., несмотря на мощное противодействие Лысенко, членом-корреспондентом АН СССР.

В те годы, о которых идет речь, Дубинин был одним из са-

мых молодых активно действующих генетиков страны. О его позиции в отношении лысенковщины мы говорили подробно выше.

Статья в «Правде» наделала много шума в руководстве Академии наук СССР. Академик-секретарь Н. Г. Бруевич тут же поручил директору Института цитологии, гистологии и эмбриологии Г. К. Хрущову, где тогда работал Дубинин, назначить комиссию для рассмотрения предъявленных Дубинину обвинений. Такая комиссия была создана приказом директора в составе В. Н. Шредера, Е. Н. Копыловой и В. А. Шолохова.

Комиссия подошла к делу очень ответственно. Она изучила все доступные материалы: статью в «Правде», статью Дубинина, первоначальную рукопись Дубинина, хранящуюся в Антифашистском комитете, письма комитета в редакцию по поводу статьи. Кроме того, они заслушали показания самого Дубинина, Бернина, работника комитета, заказавшего Дубинину статью, а также директора института Хрущова. В результате 12 сентября 1947 г. комиссия представила свое заключение [31].

В заключении указывалось, что обвинение Лаптева о том, что Дубинин причислил к советским ученым Тимофеева-Ресовского и Добжанского, «не совсем соответствует точному тексту статьи». И далее: «Лаптев не совсем прав», когда пишет о замалчивании Дубининым мичуринской биологии. Таким образом, хотя и с оговорками, комиссия фактически опровергла обвинения Лаптева. Инкриминировалось же Дубинину, кроме общепатриотических упреков, лишь факт посылки статьи в Антифашистский комитет без разрешения дирекции института. Правда, Дубинин парировал это обвинение ссылкой на то, что Хрущов в это время был в отпуске.

На основании этого заключения Хрущов составил и послал Бруевичу докладную записку, которую тот тут же переправил в ЦК ВКП(б) Кузнецову. Но смысл этой записки существенно отличался от заключения комиссии. Хрущов фактически подтвердил все обвинения Лаптева.

Особенно курьезно подтверждение Хрущовым обвинения в причислении к советским биологам Добжанского и Тимофеева-Ресовского:

> Упоминание ученых-невозвращенцев... допустимо для советского ученого в обзорной статье для иностранной печати, только в случае наличия жесткой и непримиримой критики их позиций [31, л. 135-136].

В конце своей записки Хрущов анализирует причины «ошибок» Дубинина:

> Случайны ли для проф. Н. П. Дубинина те ошибки, которые он допустил... Нет не случайны. Проф. Дубинин как ученый вырос в атмосфере безусловного преклонения перед зарубежной наукой... Для Н. П. Дубинина продолжает быть характерным постоянное стремление к дешевой популярности среди буржуазных ученых, широкое саморекламирование и нетерпимость к объективной критике. Ряд поступков Н. П. Дубинина никак не могут не обратить на себя внимание в связи с его статьей. Так в 1945 г. им были переданы для опубликования за границей несколько работ (совместно с Г. Г. Теняковым) лично проф. Гексли (Англия), посетившему лабораторию Дубинина во время празднования 220-летия Академии наук. До этого Дубинин через Жебрака, уезжавшего в Америку, тоже передавал статьи для напечатания в американских журналах. Все они были напечатаны раньше, чем эти статьи появились в нашей печати. Все время Дубинин стремился поддерживать личную связь с рядом буржуазных ученых, в том числе и с Добжанским, ведет с ними переписку, рассылает оттиски и, по имеющимся сведениям, получает от них предложения посылать свои работы для опубликования. Как принимались и принимаются эти

предложения Дубининым нужно еще подробно выяснить... очень характерным для Дубинина и его сотрудников было их угодническое поведение, во время посещения Института, перед Ю. Гексли в июне 1945 г., завершившегося организацией ими выступления Гексли на лабораторном коллоквиуме, широко им разрекламированном. Это выступление было организовано без согласования с дирекцией [31, л. 139].

Вот так Хрущов представил Дубинина в вышестоящие органы. Понятно, что в то время — время борьбы с космополитизмом — стремление ученого к контактам с зарубежными коллегами, а тем более передача статей в зарубежные журналы, были более чем серьезным обвинением. Недаром Бруевич в своем письме к Кузнецову обращает его внимание именно на это: «Я считаю, — пишет Бруевич, — соображения проф. Хрущова серьезными и убедительными» [31, л. 133]. Бруевич также сообщает Кузнецову, что по этому вопросу просит высказать свое мнение академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР Л. А. Орбели.

Последний нюанс очень интересен и важен. В деле Дубинина активно участвуют сам академик-секретарь АН, директор института, а руководитель Отделения, которому подчиняется институт, отмалчивается. 9 октября 1947 г. Бруевич пишет ему [31], через некоторое время — напоминает и просит ускорить ответ. Но Орбели молчит.

* * *

Тем временем события развиваются дальше. 22 октября 1947 г. состоялось закрытое партийное собрание Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН, на котором обсуждалась статья Лаптева в «Правде» [31]. С докладом выступил директор Хрущов. Он почти дословно повторил все обвинения в адрес Дубинина, изложенные в своей докладной записке (см. выше). Затем были зачитаны выводы комиссии. В ее заключении ничего не было сказано о мерах наказания Дубинина, и это было хорошим признаком.

Обсуждения дела Дубинина практически не было — с его разоблачением выступила только член парткома института Н. В. Попова. Она обрушила на голову Дубинина массу обвинений, весьма похожих просто на сплетни. Она призвала подвергнуть Дубинина «широким мерам общественного воздействия» [31, л. 201].

В защиту Дубинина выступил один Рапопорт. Он сказал, что, поскольку статья Дубинина была неофициальная, он мог упоминать тех, кого считал нужным. Называть Лысенко было ни в коем случае нельзя, так как его учение аналогично отрицанию атомов в современной физике. Что же касается Карпеченко и Вавилова, то мы, сказал Рапопорт, «не знаем, виноваты ли они, репрессированы ли они или нет. Их надо упоминать» [31, л. 197].

Вялость и неопределенность в отношении дела Дубинина, по-видимому, объясняются еще и тем, что его в какой-то степени заслонили новые антипатриотические поступки сотрудников института, о которых на собрании говорили много и охотно.

Дело в том, что накануне, 21 октября, состоялась сессия Общего собрания АН СССР, посвященная выборам Суда чести Академии. На ней с докладом выступил президент Академии наук С. И. Вавилов [32]. Приведя примеры антипатриотических поступков сотрудников Академии, он упомянул и профессора М. А. Пешкова из Института цитологии, гистологии и эмбриологии. Пешков без ведома дирекции института послал одну из своих статей в зарубежный журнал и показал свою лабораторию двум американским профессорам — С. Мэду и Э. Лесли, подозреваемым, по словам Вавилова, в шпионаже.

Вокруг дела Пешкова и разгорелись главные страсти на партийном собрании. Та же Попова даже спрогнозировала дальнейшее мрачное развитие событий следующим образом:

> Каковы могли бы быть последствия дальнейшей связи Пешкова с американскими «учеными»? Зная из закрытого письма ЦК ВКП(б), кого собой представляют Лесли и Мэд*, а также и Ваксман (который посетил лабораторию Пешкова с ведома Президиума Академии наук), и зная Пешкова, как человека без глубоких политических принципов, и его свойство расшаркиваться перед иностранцами, и прекрасное владение английским языком в разговорной речи, можно предположить, что иностранная разведка почувствовала в лице Пешкова благоприятную почву для проведения разведывательной работы. Результатом же этого и явилось приглашение его в Америку генетиком Демереком. Можно предположить также, что во время посещения Пешковым Америки (если бы оно состоялось) знакомства и связи стали бы более тесными, и Пешков явился бы «питательной средой» для иностранной разведки. Поездка Пешкова в Америку не состоялась [31, л. 196].

Таким образом, по Поповой, получается, что Пешков лишь чудом не стал шпионом!

На собрании были вскрыты и другие антипатриотические факты. Старший научный сотрудник А. А. Прокофьева-Бельговская без согласования с дирекцией пригласила в лабораторию профессора Гексли. Профессор Кедровский вот уже два года добивается опубликования своей книги в Америке. Приведя эти факты, Хрущов сделал такой вывод:

> Если мы не примем большевистские меры, если мы не осудим жесточайшим образом поступки наших сотрудников, подобных тем, которые допустили Дубинин, Прокофьева, Пешков, если мы не поведем решительной борьбы с умонастроениями, подобными соображениям Кедровского, — мы рискуем оказаться перед фактом, что в нашем Институте американские и английские разведчики найдут для себя опорный пункт [31, л. 193].

На фоне таких эмоций дело Дубинина уже не казалось чем-то выдающимся, а стало обычным в ряду других антипатриотических поступков. По-видимому, партийное собрание постановило, что ему необходимо вынести общественное порицание на Ученом совете института**.

* * *

Однако дело Дубинина на этом не закончилось. Лысенковцы не могли смириться со столь мягким наказанием одного из главных противников и 31 октября 1947 г. организовали объединенное партийное собрание работников Отделения биологических наук Академии и входящих в него институтов: Биохимии, Генетики, Микробиологии, Палеонтологии, Эволюционной морфологии и Физиологии растений [31, л. 206—209]. На нем было принято решение о возбуждении ходатайст-

* В докладе С. И. Вавилова [32] указывалось на связь этих ученых с делом Клюевой и Роскина [18].

** Интересный и характерный пример работы системы — после этого собрания младший научный сотрудник института В. Шолохов направил донос в секретный отдел АН СССР, откуда он попал в ЦК ВКП(б) [31, л. 177—178]. В нем перечислены все факты «низкопоклонства и преклонения перед иностранщиной», о которых говорилось на собрании.

ва перед Президиумом АН СССР о рассмотрении антипатриотического поступка Дубинина на Суде чести Академии. Ситуация стала критической. Теперь многое зависело от мнения руководителя Отделения академика Орбели. А тот молчал, несмотря на неоднократные напоминания ему Бруевичем. И только 26 ноября Бруевичу удалось выяснить его устное мнение. О нем он тут же доложил в ЦК Кузнецову [31, л. 151 — 152]. Оказывается, что в разбираемой статье Дубинина Орбели ничего антипатриотического не увидел.

На следующий день Бруевич получил и официальный ответ Орбели.

> Ознакомившись с делом Дубинина, — писал Орбели, — я прихожу к заключению, что достаточных оснований для предания члена-корреспондента АН Дубинина Суду чести нет... Автор (Дубинин. — *А. С.*) допустил ряд оплошностей в смысле односторонности освещения материала и неполноты представленных данных. Думаю, что он руководствовался желанием подчеркнуть те именно проблемы, которые иностранными учеными считаются угнетенными в нашей стране, и таким образом впал в крайность и обошел молчанием другую, не менее важную и оригинальную сторону советской биологии. Едва ли это связано со злым умыслом, а является, вероятно, проявлением известной тенденциозности увлекающегося и довольного собой и своими взглядами научного работника. Ему необходимо поставить на вид [31, л. 176].

Н. П. Дубинин в годы гонений. Фото из семейного архива

Но и это был еще не конец. Окончательное решение может принять только президент АН С. И. Вавилов. Бруевич несколько раз беседовал на эту тему с Вавиловым. Последняя беседа состоялась 28 ноября. «Академик Вавилов С. И., всегда и в совершенно определенной форме высказывался за то, что никаких оснований для передачи дела Дубинина в Суд чести нет», — пишет Бруевич Кузнецову в ЦК и тут же просит у него указаний [31].

Кузнецов поручает разобраться в этом деле Шепилову. В декабре 1947 г. дело Дубинина было окончательно закрыто докладной запиской Бараненкова и Жданова Кузнецову. В ней сообщалось, что партийное собрание Отделения биологических наук и его институтов, на котором было решено передать дело Дубинина в Суд чести, было проведено по прямому указанию ЦК ВКП(б). Президиум АН СССР рассмотрел это заявление и признал обоснованность обвинения Дубинина.

Вместе с тем, — продолжают авторы записки, — Президиум АН СССР (т. Вавилов С. И.) нашел нецелесообразным передавать дело в Суд чести Академии, мотивируя тем, что вторичное проведение Суда чести по одному и тому же вопросу вряд ли даст какие-либо положительные результаты. Учеными-биологами, работающими в области генетики, это может быть понято как поход на научных работников, не поддерживающих теоретических воззрений академика Лысенко Т. Д. [31, л. 141]. *

Бараненков и Жданов согласны с мнением Вавилова и просят у Кузнецова указаний. Кузнецов наложил резолюцию — «согласен». Вот только теперь дело Дубинина можно было считать закрытым.

Дубинина не уволили с работы. Это сделали позже, после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ. 24—26 августа 1948 г. состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором было принято решение об упразднении в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии лаборатории Дубинина, как стоящей на антинаучных позициях. Одновременно был освобожден со своего поста и Орбели. Дубинин был вынужден перейти на работу в Комплексную экспедицию по полезащитному лесоразведению при Институте леса АН СССР, где проработал до 1955 г., когда начались первые шаги по возрождению генетики.

* * *

В драматической истории борьбы Лысенко и его единомышленников с научной биологией «дело» Жебрака и Дубинина всего лишь небольшой эпизод. Но эпизод чрезвычайно важный и интересный. Он ярко характеризует методы партийных властей приведения к покорности строптивую интеллигенцию. В данном случае в качестве жупела использовались идеи преклонения перед иностранцами, недостаточный патриотизм и отсутствие политической бдительности. В других — в этом качестве выступали безыдейность, философский идеализм и т. п. Но во всех случаях предъявленные обвинения были в той или иной степени фальсифицированы. В данном конкретном деле Жебрака — Дубинина их никак нельзя было обвинить в антипатриотических поступках. И тот и другой были истинными патриотами своей страны, у них и мысли не было причинять ей какой-либо ущерб, они стремились поднять ее престиж. Это ясно видно из приведенного выше фактического материала. И из того же материала видно, с каким упорством во время разбирательств доказывалось обратное. И было доказано! Вот это и есть главный признак чудовищной репрессивной системы — способность, вопреки любым фактам и любой логике, доказать то, что доказать невозможно, но нужно. Как тут не вспомнить политические процессы 30-х гг. и более поздние — «дело Еврейского антифашистского комитета», «дело врачей-отравителей» и «ленинградское дело».

Я благодарен Э. А. Жебраку за многочисленные уточнения, которые я внес по его советам в эту статью, а также за фотографии отца. Благодарю Л. Г. Дубинину за некоторые материалы и фотографии ее мужа.

Литература

1. *Сойфер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993.
2. *Дубинин Н. П.* История и трагедия советской генетики. М., 1992.
3. *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. М., 1993.
4. *Левина Е. С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... М., 1995.
5. Антон Романович Жебрак // Генетика. 1965. № 2. С. 181 — 182.

6. *Есаков В., Иванова С., Левина Е.* Из истории борьбы с лысенковщиной// Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 125 — 141.
7. *Dunn L. C.* Science in the USSR. Soviet Biology // Science. 1944. Vol. 99. № 2561. P. 65—67.
8. *Sax K.* Soviet Biology // Science. 1944. Vol. 99. № 2572. P. 298—299.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 360. Л. 9—10.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 548. Л. 81—88.
11. *Zhebrak A. R.* Soviet Biology // Science. 1945. Vol. 102. № 22649. P. 357—358.
12. *Sax K.* Soviet Biology // Science. 1945. Vol. 103. № 2660. P. 649.
13. *Dubinin N. P.* Work of Soviet Biologists: Theoretical Genetics // Science. 1947. Vol. 105. № 2718. P. 109—112.
14. *Презент И.* Борьба идеологий в биологической науке // Ленинградская правда. 1947. 6 марта.
15. *Презент И. И.* Дарвинистско-мичуринская биология и зарубежный морганизм // Агробиология. 1946. № 5—6. С. 48—69.
16. *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1990.
17. *Мурин Ю.* Суд чести // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135—137.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064.
19. *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Дело КР. Из истории гонений на советскую интеллигенцию // Кентавр. 1994. № 2. С. 54 — 65; № 3. С. 96 — 118.
20. *Сурков А., Твардовский А., Фиш Г.* На суд общественности // Литературная газета. 1947. 30 августа.
21. *Лаптев И. Д.* Антипатриотические поступки под флагом научной критики // Правда. 1947. 2 сентября.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 549.
23. *Гращенков Н. И.* Положение в биологической науке и задачи биологической науки в БССР // Известия АН БССР. 1948. № 5. С. 15—33.
24. *Жебрак А. Р.* В редакцию газеты «Правда» // Правда. 1948. 15 августа.
25. В Президиуме Академии наук БССР // Известия АН БССР. 1948. № 5. С. 139.
26. Заключение комиссии по обследованию опытов проф. А. Р. Жебрака, проводимых им в Институте биологии АН БССР в 1948 г. // Известия АН БССР. 1948. № 5. С. 142.
27. Постановление Ученого Совета Института биологии по докладу директора института Дорожкина об итогах сессии ВАСХНИЛ // Известия АН БССР. 1948. № 5. С. 141 — 142.
28. Постановление Президиума АН БССР по выводам комиссии, обследовавшей состояние работ действительного члена АН БССР Жебрака // Известия АН БССР. 1948. № 5. С. 143.
29. Постановление расширенного заседания Президиума АН БССР «О положении и задачах биологической науки в БССР» // Известия АН БССР. 1948. № 5. С. 103—106.
30. Николай Петрович Дубинин. Биобиблиография ученых СССР. М., 1989.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 54.
32. *Вавилов С. И.* О достоинстве советского ученого. Речь на выборах Суда чести АН СССР 21 октября 1947 г. // ВИЕТ. 1991. № 2. С. 104—111.